

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

До последней
звезды

ЭКСМО

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

До последней звезды

«ЭКСМО»

2007

Александрова Н. Н.

До последней звезды / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2007 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

ISBN 978-5-699-56306-7

Все, что досталось Михаилу после смерти отца, – это старинные серебряные часы с изображением скорпиона на крышке, в то время как его сводные братья получили фирму отца и загородный дом. В сердцах Михаил сразу после оглашения завещания выбросил письмо, прилагавшееся к часам, а сами часы продал антиквару. В тот же день его стал одолевать звонками неизвестный с требованием продать ему часики за любые деньги. Когда увещевания не помогают, на Михаила одно за другим следуют покушения. Только специалисты по особым делам – Леня Маркиз и его незаменимая помощница Лола – смогут разобраться в хитростях семейного бизнеса Михаила. Но в самый разгар расследования Лола внезапно захотела... стать невестой... Теперь Маркизу противостоят еще два коварных и изощренных противника – женская логика и желание выйти замуж во что бы то ни стало... Книга также выходила под названием «Соло для часов с секретом».

ISBN 978-5-699-56306-7

© Александрова Н. Н., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

До последней звезды

– Пуишечка, детка, ну подожди еще минутку! Сейчас тебе принесут твою любимую ореховую трубочку! – проворковала Лола, почесав за ухом своего крошечного песика древней мексиканской породы чихуахуа. – Эта официантка действительно еле шевелится! Ее только за смертью посылать!

Песик не хотел ждать, он соскочил со стула и залился требовательным лаем.

– Безобразие! – подала голос молодая женщина из-за соседнего столика. – С каких это пор в «Гурман» пускают собак? Скоро сюда начнут пускать дрессированных медведей! Приличному человеку здесь просто нечего делать!

– Где вы видите собаку? – привычно возмутилась Лола. – Если это – собака, то я – Алла Пугачева!

– А кто же это – карликовый носорог? – не унималась незнакомка.

– Это ангел! – воскликнула Лола, подхватила своего песика и поцеловала его в нос. – Это настоящий ангел, который каким-то чудом оказался на этой грешной земле!

– Ольга? – вдруг проговорила скандальная дама совершенно другим тоном. – Чижик-пыжик, никак это ты?

– Дашка? – Лола удивленно уставилась на собеседницу. – А я-то думаю, что за голос знакомый! Ну, тебя просто не узнать!

Действительно, в эффектной блондинке с пышными волосами трудно было узнать ее прежнюю подругу. Нет, Дашка Водопоева ни грамма не прибавила в весе, этого Лола при всем желании не смогла бы сказать. Однако лицо ее и фигура претерпели значительные изменения.

«Губы, – поняла Лола, – и еще, кажется, бюст... Веки подтянула?... Да нет, пожалуй, просто удачный макияж...»

– Ты сделала губы? – осведомилась она.

– Ну да, – Дашка вытянула в трубочку пухлые, как у Анджелины Джоли, губы, – но это уже давно. А вот, – она выпятила грудь, – как тебе нравится?

– Не слишком много? – осторожно спросила Лола.

– Ну... Чижова, ты просто завидуешь! – рассмеялась Дашка.

Официантка наконец принесла заказ, Дарья пересела за Лолин столик, мимоходом сделав Пу И «козу», на которую тот никак не отреагировал.

– Слушай, как хорошо, что я тебя встретила! – болтала Даша. – Ты пропала куда-то, совершенно ни с кем не общаешься, телефонов ни у кого твоих нету...

– Ну да, ну да... – рассеянно отвечала Лола, пытаясь обернуть свое четырехлапое сокровище бумажной салфеткой. Сегодня на песике был надет новый костюмчик, который Лола совсем недавно купила ему в специальном собачьем бутике, и ей вовсе не улыбалось стаскивать потом с Пу И измазанную крошками и кремом половую тряпку. Песик пробовал протестовать, однако Лола была настойчива, тогда Пу И куснул ее легонько за палец.

– Немедленно прекрати хулиганить! – рассердилась Лола. – А то уведу тебя!

«Ага, как же...» – сверкнули черные глазки.

– Слушай, оставь его в покое и послушай меня! – Дашка повысила голос. – Ты мне нужна! Будешь подружкой на моей свадьбе!

– Как это? – удивилась Лола. – Ты ведь уже замужем...

– Это ты который раз имеешь в виду? – прищурилась Дашка. – Первый или второй?

– А-а... такой был мальчик... худенький, в очках... что-то такое проектировал...

– Ой, это Вася, мой первый! Ну, нашла о ком вспоминать, Васька – это была досадная ошибка моей юности. Чего не сделаешь в девятнадцать лет родителям назло? Мы продержались

года три, и сама не устаю по этому поводу удивляться! Знаешь, он все время проектировал! Он вечно сидел за своим компьютером... совершенно не о чем было с ним говорить... ну, в общем, это неважно. Потом я вышла замуж за Геннадия, ты его должна знать...

– Кажется, я застряла на первом... – смущенно призналась Лола.

– Гена Малахов, футболист, про него много писали в свое время!

– А с футболистом было о чем говорить? – удивилась Лола.

– А с ним некогда было говорить, он все время то на тренировках, то на сборах, то на чемпионатах... Очень удобно – вроде бы муж есть, а совсем не мешает...

– Отчего же ты с ним развелась? При такой-то вольной жизни?

– Ох, в том-то и дело, – вздохнула Даша и рассеянно отломила кусочек ореховой трубочки.

Пу И, заметив такой грабеж среди бела дня, надулся и тихонько рыкнул, однако не только злоумышленница, но даже и Лола не обратили на него внимания – так были увлечены разговором.

– Понимаешь, Геннадий оказался патологически ревнив, – призналась Даша, – он дошел до того, что выписал из какой-то Тьмутаракани свою мамашу, чтобы она стерегла меня, пока он в отлучках.

– Ну надо же... – протянула Лола только для того, чтобы вставить реплику.

– Пришлось решить вопрос кардинально, – вздохнула подруга, – ну, сама посуди, молодость проходит, а я сижу в четырех стенах в обществе старой гримзы, куда это годится? И тут как раз мне подвернулся Стасик, это судьба, понимаешь?

– А он кто?

– Бизнесмен, что-то там производит, какое-то техническое оборудование, – отмахнулась Даша, – главное – он меня обожает, во всяком случае, пока. Совершенно не жалеет денег, готов удовлетворить любое мое желание, представляешь? Нет, определенно, Стасик – это моя судьба! Во всяком случае, на ближайшие несколько лет... Свадьба через две недели, у меня дел просто непроворот, а тут ты пропала с концами!

Лола хотела деликатно поинтересоваться, за каким бесом она так до зарезу понадобилась старой подруге. Хотя они и были раньше дружны, но, судя по тому, что Лола упустила из виду Дашкино второе замужество, они не виделись года два, не меньше. Вот именно, примерно два года назад Лоле пришлось кардинально изменить свою жизнь, и прежние знакомые и подруги как-то отодвинулись на задний план.

– Чижик, ты мне просто необходима! – разливалась Дашка. – Будешь подружкой невесты!

– У тебя что – не хватает народа? – Лоле не удалось скрыть своего недовольства, однако Дашка ничего не заметила.

– Народу-то у меня на свадьбе будет навалом, но все уже замужем. А букет невесты полагается ловить незамужней, иначе какой смысл его бросать?

– Да, действительно. – Лола все же была актрисой, поэтому заставила себя не измениться в лице. Она посмотрела на подругу незамутненным взором и сложила губы в приветливую улыбку. Впрочем, Дашка опять ничего не заметила, она была поглощена своими делами.

– Значит, с тобой мы договорились – ух, прямо гора с плеч! Время уже назначено, лимужин заказан, оркестр тоже, съемка, банкетом занимается Стасик...

– А банкет где будет – на корабле, что ли?

– На корабле?! – Даша выпучила глаза, как будто Лола сказала что-нибудь неприличное. – Кто сейчас устраивает свадьбы на корабле? Это каменный век, глухая провинция! Ты бы еще сказала – в ресторане! Сейчас все сколько-нибудь продвинутые люди устраивают свадьбы только в музеях!

– Где? – На этот раз Лола выпучила глаза от удивления, и даже Пу И перестал дуться и наострил уши. – В каких музеях?

– Ну, в каких – это отдельный вопрос, – протянула Водопоева, не совсем верно поняв подругу. – Все зависит от возможностей... конечно, хорошо бы в Эрмитаже, но это мало кому под силу... разве что кому-нибудь, кто сидит на нефтянке... кроме того, сейчас, после разыгравшегося там скандала, они не идут ни на какие переговоры... боятся, что гости что-нибудь побьют или растащат. А в других музеях вполне можно договориться, и цена вопроса вполне приемлемая... вот, например, Люська Веретенникова свою вторую свадьбу устроила в Военно-морском музее. Ее жених как-то связан с флотом, вот они и решили, что это будет стильно. Ну, конечно, пришлось сделать евроремонт в паре кабинетов, и музей пошел навстречу... А Марго Свистунова гуляла в Музее Арктики и Антарктики. Тоже ничего, в разгар свадьбы невесту спрятали в вагончике Папанина, так жених прямо обыскался!

– А вы-то на каком музее остановились? – осторожно поинтересовалась Лола.

– Сначала хотели в артиллерийском, но я подумала, что все мужчины будут отвлекаться на экспонаты. Ты же знаешь, они буквально как дети – просто тащатся от оружия! И мой Стасик в этом смысле не исключение. Забудет, зачем пришел! Так что этот вариант я отвергла, и сейчас мы со Стасиком остановились на Зоологическом музее.

– Круто! – восхитилась Лола.

Пу И, который внимательно прислушивался к разговору подруг, восхищенно тявкнул – видимо, ему тоже понравилась идея с Зоологическим музеем.

– Думали еще о музее восковых фигур, – продолжала Водопоева. – Ну, знаешь, в особняке Кшесинской... музей политической истории. Но представили, что гости будут блуждать среди всех этих политиков и революционеров... Идешь себе по залу и натыкаешься на Карла Маркса или на Фанни Каплан с револьвером... бр! И официанты будут путать гостей с экспонатами... предложат Троцкому бокал сухого мартини...

– Да, действительно, звери как-то позитивнее! – поддержала подругу Лола.

– Да, и опять же, много пушных... с ценным мехом... – промурлыкала Даша. – Это будет вызывать приятные ассоциации...

Она взглянула на часы и в ужасе подскочила:

– Боже мой, я с тобой заболталась, а у меня на три запись к Вениамину!

– К кому? – нервно переспросила Лола.

– Ты что – не знаешь Вениамина? – несколько свысока осведомилась Даша. – Ну парикмахер, голубой, самый знаменитый!

– Ах, этот! – поспешно вставила Лола. – Конечно, я его знаю... кто же его не знает!

– Конечно... – согласилась Даша. – Я к нему записывалась за три месяца, так что никак нельзя опаздывать! Просто невозможно! Чао! И не забудь, ты непременно должна быть на моей свадьбе, иначе кто же будет ловить букет?

С этими словами она вылетела из кафе, прыгнула в двухместную дамскую «БМВ» и умчалась в голубую даль.

Лола поглядела вслед машине и расслабила мышцы лица, до этого сведенные в постоянную улыбку. Пу И боднул ее головой в живот, умильно глядя на недоеденную трубочку.

– Вот так-то, Пуишечка! – проговорила Лола, отламывая маленькие кусочки пирожного и скармливая их песику. – Кто-то выходит замуж третий раз, а кому-то остается только ловить букет! Мы с тобой чужие на этом празднике жизни!

Пу И, который в это время аппетитно хрустел ореховой трубочкой, не разделял грустных мыслей хозяйки, но на всякий случай сочувственно тявкнул.

– Только ты меня понимаешь! – печально вздохнула Лола. – А Ленька, этот бесчувственный чурбан, этот грубый, эгоистичный, самовлюбленный, как все мужчины, тип, совершенно не интересуется моими чувствами и надеждами!

Леонид Марков, более известный под аристократической кличкой Маркиз, действительно в этот момент не думал о чувствах и надеждах своей боевой подруги и верной соратницы по бизнесу. Он сидел в уютном загородном ресторане напротив аккуратно одетого мужчины лет тридцати и внимательно его слушал.

– Итак, – говорил Ленин собеседник, потирая переносицу. – Как я вам уже сказал, у моего отца было три сына. Двое старших – от законной жены, и я – от... любимой женщины. Папа был довольно удачливым бизнесменом, проблем с деньгами ни у меня, ни у моих братьев никогда не было. И относился он к нам всегда очень хорошо, причем не делал разницы между мной и старшими. Может быть, ко мне он был даже больше привязан... знаете, младший ребенок...

– Ну да, ну да, – поддержал его Маркиз. – Последняя попытка... все такое...

– В этом году отца не стало, – продолжал собеседник. – Семейный юрист огласил его завещание... честно говоря, я был немало удивлен. Старшему брату, Валерию, он оставил свою фирму; второму, Сергею – прекрасный загородный дом в Комарове, на берегу озера, а мне...

– Кота? – подсказал Маркиз.

– Кота? Почему кота? – недоуменно переспросил мужчина. – Нет, мне он оставил карманные часы...

– Золотые? С бриллиантами? – уточнил Ленья. – Работы Фаберже?

– Нет, довольно скромные часы. Серебряные, с музыкой...

– Обидно! – протянул Маркиз. – Надо думать, вы рассчитывали на большее?

– Да уж... – его собеседник наклонил голову. – Как вспомню свое тогдашнее состояние... Часики и письмо на память...

Михаил вышел от нотариуса в отвратительном настроении.

Дорогой папочка умудрился с того света плюнуть ему в душу. И ему, и его матери. Вся его родительская любовь оказалась пустым звуком, сплошным лицемерием!

Впрочем, мама не слишком расстроится, она давно уже вышла замуж и выбросила своего прежнего возлюбленного из головы и из собственной жизни. И он, Михаил, очень ее понимает. Он и раньше ее понимал, десять лет назад, когда она, смущаясь и отводя глаза, привела в их маленькую квартирку высокого мужчину с обветренным красным лицом и крупными рабочими руками.

Первое впечатление было отталкивающим. Михаил не мог себе представить их вместе. Его мать – умница и красавица, утонченная натура – и этот мужлан, что у них может быть общего? Наблюдая исподтишка, как мать льнет к этому незнакомому типу, как переглядываются они, вспоминая о чем-то своем, только им памятном и понятном, Михаил пришел в совершенную ярость и как скверный мальчишка наябедничал отцу.

До сих пор его бросает в жар от стыда за содеянное! И ведь не ребенок уже был, в институте учился! Отец к тому времени приходил к ним домой крайне редко, они с Михаилом встречались на стороне. Он, конечно, давал деньги на жизнь, но для себя мама ничего не просила.

После их разговора отец явился к ним, выбрав время, когда она была одна. Михаил, вернувшись из института, застал отголоски скандала. Отец кричал срывающимся голосом что-то насчет того, что он не намерен содержать маминых любовников. Михаил оскорбился за мать, но вспомнил, что он и сам в этой истории выглядел отвратительно.

Мама молчала, как и всегда. Она никогда не упрекала отца, что он в общем-то испортил ей жизнь. Девчонкой она полюбила женатого человека на двадцать лет старше себя, поверила всем его обещаниям, родила сына. Ей пришлось бросить учебу в «Мухинке» и запереться в крошечной двухкомнатной квартирке, которую отец выхлопотал, пользуясь своим высоким по тем временам положением. Если бы не ребенок, она могла бы достичь многого, у нее признавали талант. Однако зарабатывала она на жизнь расписыванием пасхальных яиц, детские годы Миши ассоциируются с едким запахом лака.

Они, конечно, не бедствовали, отец давал деньги на его воспитание, но мама всегда была с ним одна. А ведь ей, когда родила, было всего двадцать лет...

Отец ушел, рассерженный, Михаил на коленях долго просил прощения у матери. Она рассеянно гладила его по голове и думала о чем-то своем.

Через несколько дней она показала сыну новенькое свидетельство о браке. Втроем они выпили бутылку шампанского, после чего молодые отбыли на постоянное место жительства в область. Муж мамы оказался мастером на все руки. По прошествии некоторого времени он выстроил хороший деревенский дом, потом продал его и на полученные деньги построил очень красивый коттедж. Мама обставила дом с присущим ей художественным вкусом, занялась садом и выглядела абсолютно счастливым человеком.

Михаил помирился с отцом, но денег на жизнь с тех пор у него не брал, перебивался случайными заработками, пока не окончил институт. К старости отец стал как-то мягче, человечнее, часто бывал у него, говорил, что виноват перед его матерью и что сыну своему он оставит хорошее наследство. Михаил отмалчивался, но в глубине души привык к этим разговорам.

Жена отца к тому времени умерла, двое старших сыновей имели свои семьи, невестки свекра не слишком привечали, внуков у него не было.

У младшего сына ему никто не мешал – Михаил был одинок. Он слишком хорошо помнил свое детство, когда старухи во дворе, глядя на них с матерью, поджимали губы, когда папа приходил два раза в неделю по вечерам, а в выходные и праздники они снова оставались одни. Он не хотел такого для своих детей, стало быть, жениться нужно раз и навсегда. Однако что-то не попадалось на его пути такой девушки...

И вот теперь выяснилось, что отец обманул его так же, как в свое время обманул маму. Старшему брату – налаженное дело, среднему – большой каменный дом в престижном пригороде, а ему – дурацкие часы с музыкой! Пускай, мол, дурачку память будет о папочке, больше ему ничего и не надо...

Особенно раздражало показное сочувствие старших братьев, тот насмешливый взгляд, которым они обменялись, увидев эти чертовы часы, и то презрительное, покровительственное выражение, с которым они, не сговариваясь, взглянули на Михаила!

– Если тебе что-то понадобится – обращайся! – высокомерно проговорил старший, Валерий. – Мы же как-никак твои братья!

При этом настоящие мысли отчетливо читались на его лице: так тебе и надо, ничего большего ты не заслуживаешь! Достаточно ты при жизни отца попортил нам кровь, достаточно попользовался нашими семейными деньгами!

Выйдя на улицу, Михаил огляделся по сторонам. Возле самого подъезда он увидел мусорную урну, и под влиянием накопившегося раздражения выбросил в нее нераспечатанное отцовское письмо. Что там может быть, кроме нудных нравоучений?

«Дорогой сын, хочу сказать тебе напоследок, что жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» – и так далее на трех страницах...

Эх, папуля, не учи жить, лучше помоги материально!

Но, очевидно, нажитые непосильным трудом материальные ценности папочка сумел разделить только на двоих.

Ну и ладно, и так проживем! Михаил не хотел больше слышать об этом человеке, решил раз и навсегда вычеркнуть его из своей памяти.

В этом месте рассказа внимательно слушавший Маркиз мысленно поднял брови. Ну кто же выбрасывает важное письмо, не читая? Обидно, конечно, что наследства не досталось, все надежды на богатство рассыпались в прах, однако нужно уметь держать удар. И уж письмо покойного отца не проглядеть хоть мельком – это чересчур... Может, и правда, как в сказке: «Было у отца три сына, два умных, а третий, младшенький – дурачок?»

Однако внешне Ленья никак не показал своего отношения к собеседнику, и тот продолжил рассказ.

Прошло несколько дней, и ему срочно потребовались деньги. Он попал в ДТП, разбил свою машину и чужую, нужно было расплатиться. Раньше с таким вопросом Михаил обратился бы к отцу, теперь нужно было выкручиваться собственными силами. Сколько-то он занял у друзей, но этого все равно не хватило.

И тогда он вспомнил об отцовских часах.

«Вот и хорошо, – мелькнула у него мстительная мысль. – Отделаюсь от этих дурацких часов, и больше ничего не будет напоминать об отце...»

На самом деле, он хотел забыть не столько об отце, сколько об унижении, пережитом в кабинете нотариуса. О насмешливых взглядах старших братьев, о злорадном шипении невесток.

Короче, Михаил отправился в комиссионный ювелирный магазин.

Оценщик, лысый тип лет сорока с густыми черными бровями, взвесил часы на руке, открыл крышку, с недовольной миной выслушал мелодию и бросил часы на стол с такой брезгливостью, как будто это была бледная поганка или гнилая картофелина.

Он взглянул на Михаила с удивительно знакомым высокомерием (невольно вспомнился кабинет нотариуса и усмешка на губах старших братьев) и назвал смехотворно низкую цену.

Михаил попробовал возмутиться, но оценщик пожал плечами:

– Не устраивает цена – поищите другое место. Вольному воля. Во всяком случае, я вам больше дать не могу, сейчас такие вещи не пользуются спросом.

Хотя Михаилу хотелось отделаться от часов, но названная сумма никак не решала его проблем, кроме того, наглость оценщика его возмутила, и он вышел из кабинета, забрав свои часы.

Возле дверей магазина к нему подошел невысокий сухонький старичок с удивительно светлым, благочестивым лицом и прозрачными голубыми глазами прирожденного мошенника. Взяв за локоть, он отвел Михаила в сторону и вполголоса проговорил:

– Исключительно из симпатии и сочувствия к такому интеллигентному молодому человеку могу предложить вам хорошую цену... из человеколюбия, себе в убыток...

И он предложил за часы почти вдвое больше той суммы, которую назвал оценщик.

Уже потом, дома, Михаил понял, что они с оценщиком работают в паре. Иначе откуда старичок мог знать, что именно принес молодой человек на продажу? Но в тот момент, у дверей магазина, он только прикинул, что предложенных старичком денег как раз хватит, чтобы расплатиться за аварию, и отдал ему часы.

Отдал, чтобы забыть о них навсегда.

Но не тут-то было.

Прошло еще несколько дней, и у него в квартире зазвонил телефон.

Позвонивший представился (его фамилия прозвучала не слишком разборчиво, и в любом случае она ничего Михаилу не говорила) и вкрадчивым голосом проговорил:

– Позвольте выразить вам мои искренние соболезнования... весьма сочувствую понесенной вами утрате... я близко знал вашего батюшку и всегда относился к нему с уважением...

Здесь незнакомец сделал паузу, ожидая, должно быть, благодарности, но Михаил безразлично промолчал, и тот продолжил:

– Я знаю, что вам достались от отца карманные часы. Не хотите ли продать их? Я понимаю, это память об отце и все такое, но я готов заплатить за них очень хорошие деньги...

И он назвал сумму, вдесятеро больше чем та, за которую Михаил продал часы.

– Дело в том, – поспешно добавил собеседник, – дело в том, что мне хотелось бы иметь что-то на память о своем покойном друге. А поскольку я человек вполне обеспеченный, я могу заплатить за свои прихоти, даже совершенно пустяковые...

Михаил не поверил в такое объяснение. Впрочем, мотивы незнакомца его мало интересовали. Честно говоря, в первый момент он просто расстроился, что продешевил. И не хотел признаваться в этом совершенно незнакомому человеку.

Поэтому он ответил с достоинством, что не собирается ни за какие деньги расставаться с памятью о своем отце.

– Что ж, – со вздохом отозвался незнакомец, – я вас понимаю и уважаю ваше решение, надеюсь, вы передумаете, я позвоню вам еще.

Михаил повесил трубку.

От этого разговора у него остался какой-то неприятный осадок. Мало того, что он продал часы слишком дешево, но сам разговор показался ему странным. Собеседник как будто что-то скрывал или недоговаривал, его интонация казалась фальшивой, как у того старичка возле комиссионки. Но с тем-то все ясно, он был самый натуральный жулик, а с этим... Чего он на самом деле хотел? Зачем ему нужны отцовские часы?

Впрочем, несмотря на неприятный осадок, Михаил вскоре забыл бы о разговоре. Забыл бы, если бы события не напомнили о нем.

Через несколько дней после этого телефонного разговора Михаил вернулся домой чуть позже обычного времени.

Войдя в прихожую, он сразу почувствовал, что в квартире что-то не так, все предметы были не на своих местах.

Включив свет, он убедился, что у него дома кто-то похозяйничал.

Особенного беспорядка не было, но, несомненно, в отсутствие хозяина кто-то выдвигал все ящики стола, кто-то тщательно проверил все шкафы, залез даже на антресоли. Самое странное, что из квартиры ничего не пропало. Ни компьютер, ни одежда, ни бытовая техника. Даже небольшая сумма денег осталась на месте. Создавалось впечатление, что неизвестный (или неизвестные) что-то искал в квартире.

Искал и, судя по всему, не нашел.

Михаил стоял посреди квартиры, раздумывая, стоит или не стоит вызывать милицию.

Он склонялся к тому, что это бесполезно.

В первую очередь его спросят, что у него пропало.

«А если ничего не пропало, чего вы от нас хотите? А вообще, с чего вы взяли, что в вашей квартире кто-то побывал? Ах, вещи стоят не на тех местах, где вы их оставили? А как у вас вообще с головой? Глюков не бывает?»

Конечно, им не нужно лишнее дело, явно без шансов на успешное раскрытие!

Но и жить дальше в этой квартире, зная, что к нему в любой момент могут войти посторонние люди, казалось невозможным.

В любом случае, нужно немедленно поменять замки, но это ничего не решает. Замки, как известно, помогают только от честных людей...

И в этот момент зазвонил телефон.

Звонил тот же человек, что и в прошлый раз, только сегодня в его вкрадчивом голосе слышалось плохо скрытое раздражение (хотя, возможно, Михаилу только показалось).

– Ну как, вы подумали над моим предложением? – спросил он, представившись (фамилия опять прозвучала неразборчиво).

– Над каким предложением? – недоуменно переспросил Михаил. Он действительно успел забыть их первый разговор.

– Ну как же, – на этот раз раздражение в голосе незнакомца прозвучало вполне отчетливо. – Я просил вас подумать, не хотите ли вы продать мне карманные часы вашего покойного отца. Если вас не устраивает названная мной цена, скажите прямо... можете просто назвать ту сумму, которая вас устроила бы...

На этот раз уже Михаил почувствовал раздражение. Он ведь прошлый раз ясно дал понять, что не собирается продавать часы, а этот настырный тип все не унимается! Мало того, что он снова и снова пристает со своим предложением, так он еще звонит в самый неудачный момент, когда Михаилу не до него!

– Я вам ясно сказал, что не продам часы! – проговорил он запальчиво. – Они дороги мне как память! Неужели это не понятно?

– Понятно, – отозвался собеседник. – Однако мне казалось, что вы можете переменить свое решение!

– Напрасно вам так казалось! – отрезал Михаил и бросил трубку.

На следующий день Михаил возвращался домой еще позднее.

Поставив машину на стоянку неподалеку от дома, он перешел дорогу и через сквер двинулся к своему подъезду.

В сквере не было ни души. Легкий ветерок шевелил листья деревьев, но вдруг и он затих, словно к чему-то прислушиваясь. Тишину нарушал только звук шагов Михаила по влажному гравию дорожки. Но неожиданно он расслышал у себя за спиной еще чьи-то шаги – осторожные, негромкие, крадущиеся.

Михаил постарался успокоить себя – наверное, это какой-то сосед, так же, как он, задержавшийся на работе. Однако в душе его шевельнулось смутное беспокойство, невольно заставившее прибавить шагу.

Незнакомец за спиной не отставал.

Наконец Михаил увидел впереди фонарь над подъездом и облегченно перевел дыхание, подумав, что на этот раз паника была ложной.

И тут из-за кустов навстречу ему выступил молодой парень в черной кепке-бейсболке.

Парень был тощий, с ввалившимися щеками и тусклым полусонным взглядом наркомана. Он встал посреди дорожки и процедил, не вынимая рук из карманов:

– Эй, мужик, дай закурить!

– Не курю, – процедил Михаил, попытавшись обойти наркомана.

И тут сзади на него навалился второй человек. Тот, чьи шаги он слышал за своей спиной, тот, о ком он забыл, столкнувшись с прямой и очевидной угрозой.

Невидимый, он обхватил Михаила поперек туловища, не давая пошевелить рукой. В то же мгновение наркоман подскочил к беспомощному человеку и принялся торопливо, нервно обшаривать его карманы.

– Нету, – раздраженно бормотал он, переходя от кармана к карману. – И здесь нету...

Из внутреннего кармана пиджака он вытащил бумажник, но тут же невидимый человек за спиной Михаила резко одернул его:

– Не трогай! Нам достаточно заплатили... ты знаешь, что нужно искать!

Михаил настороженно прислушался: голос незнакомца, низкий, чуть хриловатый, показался ему смутно знакомым.

Наркоман грязно выругался и, бросив бумажник на землю, продолжил обшаривать одежду Михаила.

– Нету! – выкрикнул он, закончив обыск. – Наверное, он где-то прячет эти чертовы...

– Заткнись! – рявкнул на него невидимый напарник. – Много болтаешь! Делай, как договаривались!

Наркоман хихикнул и неожиданно нанес Михаилу резкий, болезненный удар в солнечное сплетение. Михаил согнулся, хватая воздух ртом. В глазах у него потемнело. В ту же секунду на его голову обрушился еще один удар, и полутемный сквер поплыл перед глазами.

Очнулся он от холода.

Видимо, прошло совсем немного времени. Во всяком случае, он не успел заоченеть. Голова болела невыносимо, кроме того, мучительно ныл ушибленный живот. Перед самыми

глазами, на сыром гравии дорожки валялся раскрытый бумажник, чуть поодаль лежала связка ключей.

Михаил, сдерживая стон, поднялся на ноги, с трудом нагнувшись, подобрал ключи и портмоне. Как ни странно, содержимое бумажника было не тронут. Он добрался до подъезда, поднялся в квартиру, встал под горячий душ и стоял под ним, пока боль во всем теле не растворилась в потоках воды, пока в голове не прояснилось и мысли не пришли в относительный порядок.

«Опять придется менять замки! – отстраненно думал Михаил, подставляя тело горячим благодатным струям. – Впрочем, кажется, мои ключи их не интересовали... ну да, ведь они уже побывали у меня в квартире...»

Ему казалось само собой разумеющимся, что напали на него не случайные уличные грабители, а те же самые люди, которые накануне обшарили его жилище. Их не интересовал его бумажник, не интересовали его деньги (впрочем, денег у него было совсем немного, но для обычных наркоманов и небольшие деньги представляют интерес).

И так же, как в квартире, они не нашли того, что искали.

Вытираясь жестким полотенцем, Михаил услышал сквозь неплотно прикрытую дверь ванной настойчивые телефонные звонки. Он накинул халат и добрался до телефона.

Звонил тот же самый человек с неразборчивой фамилией.

– Ну как, вы по-прежнему не передумали? – проговорил он, на этот раз не скрывая своего раздражения.

– О чем вы? – спросил Михаил с кажущимся равнодушием, чтобы еще больше разозлить незнакомца.

– О чем? – переспросил тот. – Вы прекрасно знаете, о чем! О часах вашего отца. Вы по-прежнему не хотите их продать? А ведь я могу предложить за них очень хорошую цену... – И он назвал сумму, вдвое более высокую, чем прошлый раз.

– Я вам, кажется, ясно ответил! – оборвал собеседника Михаил. – Эти часы не продаются!

– Что ж, – проговорил тот после продолжительной паузы, – пеняйте на себя... Как говорится, каждый человек – кузнец своего счастья! Это был ваш выбор...

– И вот я решил, что нельзя пассивно дожидаться новых его шагов, – проговорил Михаил, закончив свой рассказ. – Лучшая оборона – это нападение. Один хороший знакомый рекомендовал мне обратиться к вам, сказал, что вы – настоящий мастер своего дела...

– Спасибо за лестную оценку моих скромных возможностей, – отозвался Маркиз, который до сих пор только внимательно слушал. – Но если вам говорили обо мне, то не могли не упомянуть главный мой принцип: никакого насилия! Так что, боюсь, вы обратились не по адресу...

– Постойте! – Михаил поднял руку в предупреждающем жесте. – Я и не хочу применять насилие.

– Тогда чего же вы хотите?

– Я хочу вернуть отцовские часы. Если этот таинственный незнакомец так мечтает их заполучить, если он не только готов заплатить за них несоразмерно большие деньги, но не останавливается и перед преступлением – значит, они того стоят, и, получив эти часы, я смогу перехватить у него инициативу. Я признаю, что свалил дурака, когда выбросил отцовское письмо, но если оно пропало безвозвратно, то часы можно найти и перекупить.

– Что ж, возможно, вы правы... – задумчиво протянул Маркиз.

В глазах его появился приглушенный блеск. Человек, который знал его хорошо, понял бы, что этот блеск обозначает: Леня Марков, он же Маркиз, величайший мошенник всех времен и народов (по собственному определению), почувствовал упоительный запах загадки. И теперь он не сойдет со следа, пока не распутает клубок до конца.

Конечно, Лола, боевая подруга и соратница Маркиза, знала его лучше любого другого человека, и она моментально узнала бы этот блеск в Лениных глазах. Узнала бы и очень расстроилась. Потому что, идя по следу очередной загадки, Маркиз забывал обо всем – о привычном образе жизни, о бытовых удобствах и даже о безопасности. Не только собственной, но и ее, Лолы.

Однако, несмотря на упомянутый блеск, Маркиз откашлялся и обратился к потенциальному заказчику:

– Думаю, ваш знакомый... тот, кто рекомендовал вам обратиться ко мне, упомянул, что я достаточно дорого беру за свои услуги?

– Конечно, – кивнул Михаил. – Если я не получил большого наследства, это не значит, что у меня вовсе нет денег. Только что со мной рассчитались за выполненную работу, и я смогу оплатить ваши услуги. А поскольку от этого зависит моя безопасность, я готов потратить на это дело все свои средства...

– Отлично! – Маркиз потер руки. – Значит, еще раз подробно опишите мне часики...

– Круглые, с простой цепочкой, на крышке выгравирован силуэт скорпиона... Да я вам нарисую...

– Так-так, – Леня с уважением поглядел, как рука Михаила уверенно двигается по листу, – а сумеете сделать все это на компьютере? Чтобы была вроде как цифровая фотография?

– Это мой профиль... – улыбнулся Михаил.

Лола вернулась домой в отвратительном расположении духа. Зеркало в прихожей отразило красивую молодую женщину, стройную, дорого и со вкусом одетую. Кожа лица была чистой, умело наложенный макияж скрывал то, что на самом деле и скрывать-то было незачем, и эффектно подчеркивал все остальное, однако большие карие глаза смотрели грустно, как у больной собаки, и кончики губ печально опустились. Лола глубоко прерывисто вздохнула, губы ее задрожали, на глазах показались слезы.

– Как я несчастна! – проговорила она вслух.

«Не верю», – ответило зеркало голосом Станиславского.

– Меня никто не любит! Я страдаю от одиночества! – настаивала Лола.

Тут же в прихожей возник громадных размеров черный котище с белыми лапами и уселся под вешалкой. Следом за ним влетел разноцветный крупный попугай, плавно развернулся под потолком и приземлился на столик рядом с телефоном.

– Пр-ивет, подр-руга! – сказал попугай, потому что он был говорящим. Пожалуй, даже слишком.

Лола не ответила. Кот переглянулся с Пу И, который безуспешно пытался освободиться от костюма. Очевидно, кот сумел прочесть что-то в глазах песика, потому что усы его насмешливо дрогнули, он потерял к происходящему всякий интерес и неторопливо удалился, неслышно ступая мягкими лапами.

Лола еще раз поглядела на себя в зеркало и наконец вспомнила про Пу И. Раздетый песик радостно поскакал на кухню. Обиженный на невнимание попугай полетел следом. Поведение зверей следовало трактовать так, что Лола вовсе не одинока и не несчастна, все у нее в порядке, у нее есть крыша над головой и холодильник, полный вкусных и полезных продуктов. Еще у нее есть трое домашних любимцев, так что об одиночестве не может быть и речи.

– Вам бы только животы набить, – ворчала Лола, – а что у человека в душе, вас не интересует.

В спальне она еще раз поглядела на себя в зеркало и поняла, что несчастна, очень несчастна. И зеркало не стало возражать, потому что это было личное Лолино зеркало, она давно выдрессировала его по своему вкусу. Зеркало в прихожей отражало не только Лолу, но и

всю стаю, которая проживала в квартире: ее компаньона Леню Маркиза, кота Аскольда, нежно обожаемого Леной, попугая Перришона, который однажды февральским морозным днем влетел в форточку, да так и остался жить в квартире, и, конечно же, Лолино бесценное сокровище – Пу И. Так что за время, которое зеркало провело в квартире Лоли и Маркиза, оно наглядилось всякого. Ибо, как уже говорилось ранее, в квартире проживали не совсем обычные люди.

Леня и Лола, друзья и компаньоны, зарабатывали себе на безбедную жизнь мошенническими операциями. Как и его бессмертный предшественник Остап Бендер, Леня знал более четырехсот способов безболезненного отъема денег у обывателя. Причем обывателя он предпочитал небедного, да и то стриг его всегда не до конца, оставляя малую толику шерсти на развод. Исключение Леня делал лишь для нескольких индивидуумов, которые посмели обидеть его, Лолу или близких друзей, которых, надо сказать, было немного. Несмотря на обилие знакомств, Леня мало кого подпускал к себе на близкое расстояние, объясняя это спецификой своей деятельности.

В наше время, когда все стремится к саморекламе, Леня любил повторять услышанную где-то фразу: «Мне не нужна скандальная известность».

В свое время, более двух лет назад, Леня Маркиз высмотрел себе в напарницы Лолу, начинающую актрису. Вначале она успешно совмещала два рода деятельности, потом ушла из театра. Маркиз за эти два года ни разу не пожалел о своем выборе, поскольку Лола оказалась очень смысленной, решительной и к тому же здорово умела перевоплощаться. Для удобства компаньоны поселились вместе, Леня купил большую четырехкомнатную квартиру – нужно было много места для троих хвостатых и пернатых питомцев.

Так что зеркало в прихожей кого только не повидало за это время, поскольку для успешного проведения операций компаньонам требовалось изображать самых разных людей. Зеркалу приходилось отражать и деревенскую тетку в тулупе и валенках, и небритого бомжа в рваном пиджаке, и начальственную даму советских времен с шиньоном на голове, в костюме с подкладными плечами, широченными, как у матроса торгового флота, и бюстом шестого размера, и сомнительную личность в кепочке, с бегающими глазками, и разбитную деваху в полушубке из китайской собаки и с мелкой «химией» на голове. Вереницей проходили через прихожую милиционеры в форме, посыльные из магазинов, полковники при регалиях, врачи «Скорой помощи» и даже один старорежимный дворник в белом фартуке и с бляхой (этот костюм Маркиз позаимствовал на студии Ленфильм).

Когда же в зеркале отразился раскосый шаман в красиво расшитой северной одежде, зеркало вообще перестало чему-либо удивляться. Лене тогда во что бы то ни стало нужно было попасть на фестиваль народов Севера, только там можно было перехватить одного важного государственного человека и перекинуться с ним парой слов по просьбе заказчика. Охрана на входе стерегла на совесть, но кто заподозрит заблудившегося шамана?

Кроме того, как уже говорилось, Лола была творческой личностью. Известна старая французская пословица: женщина всегда может устроить из ничего три вещи: салат, шляпку или скандал. Лола скандалы умела устраивать виртуозно, по всем правилам сценического искусства, причем даже Леня Маркиз, который знал ее достаточно хорошо, не всегда мог различить, всерьез ли злится его подруга, или же ей просто захотелось полицействовать по старой памяти. Лола умела спровоцировать своего компаньона коварным вопросом или одной едкой фразой, и Леня в который раз наступал на те же грабли. Партнеры скандалили со страстью, дело заканчивалось битьем посуды и швырянием друг в друга предметов домашнего обихода средней тяжести. И можно только удивляться, как зеркало выжило в таких тяжелейших условиях. От такой трудной жизни у зеркала здорово испортился характер. Оно стало вредным и циничным, норовило отразить все как есть, без прикрас. Есть такие люди, которые всем всегда говорят правду и только правду, даже когда их об этом вовсе не просят.

Лоле еще рано было беспокоиться, вглядываясь в свое отражение, тут даже вредное зеркало ничего не могло сделать. Однако каким-то образом оно умудрилось испортить настроение человеку даже с безупречной внешностью.

Иное дело – зеркало в спальне Лолы. То всегда умело ее утешить. Даже если глаза слегка опухли от сна или, не дай бог, вскочил на носу крошечный прыщик, зеркало умело убедить Лолу не придавать этому значения. А что касается плохого настроения, то зеркало всегда умело его поднять.

Но в данную минуту даже это замечательное зеркало ничего не могло сделать – Лоле было так плохо, что заболела голова. Да в чем же дело? Отчего настроение, с утра такое хорошее, после похода в кафе упало до абсолютного нуля?

«Оттого, что встретила там старую подругу Дашку», – услужливо подсказало зеркало.

Ну и что с того? Дашка, конечно, выглядит отлично. Но и Лола не ударила лицом в грязь, с внешностью у нее все в полном порядке, с одеждой тоже. Однако все же точит ее душу какой-то невидимый червячок...

«Тут и думать нечего, – ответило зеркало, – все просто: Дашка выходит замуж, да еще в третий раз, и выбрала тебя в подружки, потому что ты – страшно сказать! – ни разу не ходила под венец!»

Очень надо туда ходить! Что она, Лола, потеряла замужем? У нее есть все, чего может желать женщина: красота, свобода, деньги, наконец! У нее есть Пу И, который вполне заменяет ей ребенка. Зачем ей связываться с каким-то типом, который в обмен на то, что станет ее содержать, будет требовать, чтобы она его всячески ублажала, ревновать ее, пилить, что тратит слишком много денег... Дашка выбирает мужей по принципу богатства, да и почти все сейчас так делают. Однако ей, Лоле, богатый муж не то чтобы не нужен, но это не главное. Ей нужно, чтобы ее любили, заботились о ней, относились с нежностью. И чтобы мужчина был умный, смелый, красивый, обеспеченный, конечно, ведь Лола привыкла к определенному уровню жизни.

«Ты сама понимаешь, что такого человека найти в наше время очень трудно, почти невозможно, – заметило зеркало, – и у тебя был такой – банкир Ангелов¹. Потрясающий мужчина, тебя обожал, с деньгами и умом все в порядке, так какого же рожна тебе было нужно?»

– Через неделю мне стало с ним ужасно скучно, и к тому же он терпеть не мог Пу И, – вслух произнесла Лола.

«Вот видишь... – усмехнулось зеркало, – так зачем же расстраиваться попусту?»

Лола понимала, что зеркало совершенно право, однако мерзкий червячок все точил и точил душу. Лола открыла окно и закурила сигарету, она редко курила в спальне, но сейчас было так тяжело на душе, что не хотелось выносить свою боль на люди. Впрочем, что это она, какие люди? Дома только трое эгоистичных прохиндеев, которым нет дела до состояния ее души.

Тут Лола была не права, потому что их с Леной питомцы, конечно, были самого хулиганского поведения, однако в трудную минуту всегда спланивались вокруг хозяев и оказывали им участие и посильную поддержку. Даже когда компаньоны ссорились, всегда можно было понять, кто прав: звери безошибочно принимали сторону обиженного. То, что сейчас кот не прыгнул немедленно Лоле на колени, попугай не уселся на плечо и не ворковал ласково в ушко, а Пу И не облизывал щеки теплым шершавым язычком, значило, что проблемы у Лолы надуманные и не стоят выеденного яйца.

Но Лола так не считала, потому что душа ее болела, стонала и плакала.

– Да что же, что со мной такое? – в отчаянии спросила она зеркало.

¹ См. роман Н. Александровой «Глаз ночи».

«Не валяй дурака, – протелепатировало ей зеркало, – ты просто до безумия завидуешь Дашке Водопоевой, что она выходит замуж. И перед глазами у тебя стоят Дашкины тщательно подведенные глаза с ехидным прищуром, и проскальзывают в них некая снисходительность и некоторое превосходство: дескать, ты, подруга, конечно, выглядишь на миллион долларов, однако замуж-то никто не берет... И можешь сколько угодно впаривать другим, что тебе не хочется, и не нужен тебе никакой муж, ты сама себе хозяйка, только факт остается фактом: в двадцать восемь лет ты еще ни разу не состояла в браке. Даже невестой ничьей не была. А это о чем-то да говорит: либо ни один мужчина тебе этого не предлагал, стало быть, в душе у тебя имеется какой-то изъян, либо ты сама всем отказывала, стало быть, ты слишком уже разборчива и полная дура. Если до тридцати лет замуж не вышла, мужчины и смотреть перестанут. Они ведь как рассуждают? Если девушка никому не понадобилась, то и ему не нужна...»

– Боже мой! – вскричала Лола. – И все это Дашка выразила одним прищуром глаз! Но что же мне делать?

Зеркало молчало, посчитав Лолин вопрос не стоящим внимания. Кто когда давал дельный ответ на такой вопрос? Вот если спросят «кто виноват?» – тогда другое дело, виноватых у нас искать любят и быстро находят.

– Но я действительно не хочу замуж... – в растерянности проговорила Лола. – Так отчего же я завидую Дашке?

«Да разуй глаза, наконец! – рассердилось зеркало. – Тебе хочется не замуж, а свадьбы! Чтобы белое платье, куча народу, подарки, жених несет на руках перед фотокамерами!...»

– Ой! – взвизгнула Лола, схватившись за сердце. – Ой-ой-ой!

Невозможно представить, что ничего этого у нее не будет. Нет, конечно, рано или поздно это случится, но ей-то нужно сейчас! Немедленно, потому что желательно обогнать Дашку. Хотя это нереально.

Лола отвернулась от зеркала и совсем пала духом.

Человеку свойственно во всяких неприятностях прежде всего искать виноватых. Так и Лола тут же определила в виновники своих бед Леню Маркиза. В самом деле, кто виноват в том, что ее жизнь покатила не по тем рельсам? Кто виноват в том, что она порвала со всеми друзьями и знакомыми? То есть не порвала, а отдалилась от них, перестала бывать в прежних компаниях. Конечно, Леня, который увлек ее другой профессией, который велел поменьше болтать. Ему, видите ли, при его работе не нужно пристальное внимание незнакомых людей! В результате Лолина жизнь превратилась в какой-то придаток к его криминальному роду деятельности, он просто использует Лолу, заставляет ее рисковать жизнью, а что взамен?

– Как все ужасно! – воскликнула Лола. – Как же я могла допустить такое?

– Дорогая! – послышался Ленин голос из прихожей. – Ты дома? И отчего это ты разговариваешь вслух – учишь какой-нибудь театральный монолог?

Маркиз, явившийся домой сразу после разговора с клиентом, был полон сил и надежд. Он всегда скучал без дела, его изящные операции приносили не только ощутимый доход, но и повышали уровень адреналина в крови. Поэтому сейчас, когда он подрядился на очередное дело, он был озабочен только тем, как уговорить Лолу ему помогать. По дороге он наметил кое-какой план и твердо знал, что без Лолы ему в этом деле не обойтись.

Однако уговорить ее на работу – это, я вам скажу, труд не из легких. Ленина напарница была ленива и упряма. До известных пределов конечно, ибо как только Лола проникалась мыслью о том, что работать все-таки придется, она тут же становилась послушной и исполнительно-ной. Но чтобы вбить Лолке в голову эту мысль, Лене приходилось трудиться до седьмого пота.

Не раз уже в отчаянии проклинал он тот день, когда встретил Лолу в кафе под названием «Синий попугай» и решил, что именно эта способная девица нужна ему для совместной работы. Иногда ему хотелось выдрать все волосы и биться головой о стену. Но каждый раз, как

только Лола видела, что ее компаньон всерьез собирается заняться рукоприкладством, она тут же на все соглашалась и глядела паинькой.

Леня переобулся и аккуратно повесил куртку на плечики, чтобы не раздражать Лолу понапрасну. Его боевая подруга отчего-то придавала большое значение этому ничтожному факту. Еще она терпеть не могла разбросанную по квартире обувь, уныло провисшие занавески, люстру с неполным комплектом лампочек и запачканное зубной пастой зеркало в ванной.

На свой вопрос Леня ответа не дождался и, осторожно ступая, направился в Лолину комнату.

– Лапочка, я пришел! – проворковал он, всовывая голову в дверь.

Встретившись с Лолой глазами, он тут же понял, что дела его если не плохи, то очень нехороши. Этот взгляд у своей подруги он видел несколько раз, и ничего хорошего он не сулил.

– Заинька, ты расстроена, – скороговоркой начал Леня, – возможно, ты встретила в кафе женщину в таком же, как у тебя, костюме? Ну так это ерунда, на тебе костюм сидит в сто раз лучше!

Лола с грозным видом сделала шаг навстречу.

– Что, неужели и сумочка у нее была такая же? – ахнул Маркиз. – Вот уж неудачное совпадение!

Лола рыкнула тихо, но многообещающе и сверкнула глазами.

– Не может быть! – вскричал Маркиз. – Не верю! Не верю, что у нее была точно такая же собачка, как наш Пу И! Тебе просто показалось! Пу И – единственный и неповторимый, другого такого песика нет на свете! Это все нервы!

Лола изготавилась к прыжку.

«Вот незадача, – огорчился Маркиз, не забывая мило улыбаться, – с чего это ее так разобрало? Вроде бы с утра ушла нормальной... А сейчас прямо мегера, от злости лопнет... Вот некстати она рассвирепела...»

– Немедленно выйди вон из моей комнаты! – отчеканила Лола. – И не смей переступить этого порога!

Леня растерялся и отступил. Да так неудачно, что едва не наступил на Пу И, который, как всегда, пострадал от собственного любопытства, ему было интересно, чем закончатся переговоры.

– Пу И, – серьезно спросил Маркиз, глядя песику в глаза, – что произошло с Лолкой? Вы же всего только собирались в кафе...

Пу И отвернулся и махнул лапой, потом пожал плечами и соскочил на пол. Все телодвижения следовало трактовать так, что ничего особенного не случилось, что Лолка взбесилась просто так, от нечего делать и что пирожные в кафе были так себе, средней паршивости.

Настал черед Маркиза пожимать плечами, однако дело есть дело, и он, втянув голову в плечи, снова заглянул в дверь.

Лола стояла у окна, и вся поза ее выражала такое безграничное отчаяние, что у Лени невольно дрогнуло сердце. Обычно Лола реагировала так бурно только на его амурные делишки. На словах-то они договорились, что у них двоих только деловое сотрудничество и каждый дает другому полную свободу в личной жизни, но на деле Лолка отчего-то принимала его похождения близко к сердцу.

«Что ее так рассердило? – в панике думал Маркиз. – Где я прокололся? В последнее время ничего такого я не предпринимал... Лола нашла где-нибудь застарелый след губной помады или смятую записочку? Унюхала запах чужих духов? Маловероятно, чтобы ее вывели из себя такие пустяки...»

Крадущимися шагами, ежесекундно готовясь дать деру, Леня приблизился к своей партнерше и легонько дунул ей в затылок. Пряди волос зашевелились, Лола дернула плечом, но

не встала в боевую стойку и не замахала кулаками. Обнадеженный Леня отважился ласково погладить ее по голове.

– Лолочка, – заворковал он, – ну что случилось? Расскажи папе, папа поможет...

Лола повернулась и поглядела так грустно, что сердце Маркиза по-настоящему дрогнуло.

– Кто обидел мою девочку? – с подлинным чувством вскричал он. – Кто посмел?

– Ты ничего не сможешь сделать, – сдавленным голосом ответила Лола, – это жизнь... Боже, как она жестока и несправедлива ко мне!

– Лолочка, солнышко! – всерьез обеспокоился Маркиз. – Да что случилось? Ты заболела? Врачам нельзя верить. Ерунда, найдем другого врача, потом третьего, и пока все они не скажут одно и то же... А они никогда не согласятся друг с другом, так что можешь быть спокойна, ничего у тебя нету...

– Да ничем я не больна! – с досадой ответила Лола. – То есть если так будет продолжаться, я заболую от горя, но не сразу...

– А что же тогда, что? – возопил потерявший терпение Маркиз.

– Ты правда хочешь знать? – Лола опустила глаза.

– Ну конечно. – Леня обнял ее за плечи и потянулся поцеловать.

– Я хочу замуж... – прошептала Лола куда-то ему в шею.

– Что-о? – Маркиз отпрыгнул от нее, как ужаленный. – Ты – замуж? Да за каким чертом тебе это надо?

Лола развела руками и кивнула зеркалу – объясни, мол, этому чучелу, а у меня сил нету... Но зеркало обиделось, потому что это только у них с Лолой было взаимное понимание. Поэтому Маркиз, глянув в зеркало, увидел только свои выпученные глаза и красное от злости лицо. Это его немного отрезвило, и он взял себя в руки.

– Ну, что это ты выдумала? – мирно начал он. – Ну, мы же это уже обсуждали... У тебя есть все, что можно желать...

– Ты так считаешь? – обманчиво кротким голосом спросила Лола. – А где свадьба? Где толпа гостей, где подарки, где белое воздушное платье от Диора?

– Почему именно от Диора? – удивился Леня.

– Ну, от Живанши, – покладисто согласилась Лола.

– Платьев ты можешь себе купить сколько угодно, и я сам готов дарить тебе подарки хоть каждый день! – предложил Леня. – Гости на свадьбу приходят все исключительно противные – либо дальние родственники, которых видишь раз в жизни, либо друзья жениха, которые тебе и вовсе незнакомы.

– А лимузин? – капризно спросила Лола. – Длинный, белый, с куклой на капоте? А марш Мендельсона?

– Я найму тебе хоть двадцать лимузинов, можешь кататься на них, сколько влезет! – пылко заявил Маркиз. – И та-ам-та-ам-тарам-там-там-там...

Он подхватил кота, явившегося посмотреть, что происходит, поставил его на задние лапы и пошел с ним под собственную мелодию. Кот Аскольд, черный, с белой манишкой, и вправду выглядел женихом. Лоле стало смешно.

– Ну ладно, убедил, – сказала она, – пока подожду со свадьбой... Ты, Леня, молодец, не совсем черствый и равнодушный...

– Ой, как хорошо! – бурно обрадовался Леня. – Тогда переходим к деловой части!

– Что-о? – улыбка сползла с Лолиного лица. – Так это ты тут передо мной распинался вовсе не потому, что хотел утешить, а просто я нужна тебе для подлых делишек?

– Что-о? – Леня так рассердился, что даже отпихнул от себя в сердцах кота, в чем потом горько раскаивался. – Что это ты называешь подлыми делишками? Мою работу? И твою, между прочим, тоже? Немедленно бери свои слова назад! И принимайся за дело!

– И не подумай, – Лолу понесло, – жулик мелкий!

– Все! – заорал Леня громовым голосом. – Все! Мне это надоело! Немедленно убирайся из моей квартиры! Замуж, к черту, к дьяволу, хоть в монашки!

– Квартира наша общая, когда захочу, тогда и уйду! – завизжала Лола исключительно по инерции, потому что на самом деле давно пора было остановиться.

Однако Маркиз не понял, что Лола уже готова к примирению, он рванул дверцы шкафа и начал выбрасывать на пол Лолины вещи.

– Ты с ума сошел! – ахнула Лола. – Немедленно прекрати, варвар и негодяй!

Она собралась уже стукнуть его чем-нибудь тяжелым, но ничего подходящего не было под рукой. Не случайно все скандалы женщины затевают обычно на кухне – там перед глазами множество всякого оружия ближнего боя – от скалки до поварешки. Леня запутался в баракле, что-то треснуло...

– Отдай немедленно платье, – стenalа Лола, – это самое лучшее!

Пока она прикидывала, не смотреть ли на кухню за той же скалкой или уж сразу долбануть Леню сечкой, Маркиз вдруг сел прямо на пол, потирая левую сторону груди.

– Ленечка! – мгновенно испугалась Лола. – Что с тобой?

– Инфаркт с тобой получишь, – простонал Леня, – между прочим, сорок лет – самый опасный возраст для мужчины.

– Тебе еще нет сорока, – сказала Лола, но ее компаньон издал такой душераздирающий стон, что она тут же всему поверила.

Не только Лола была актрисой, Леня Маркиз за время, проведенное в обществе своей подруги, прекрасно усвоил ее артистические повадки. Лола всерьез испугалась и стала шелковой.

– Миленький, что тебе сделать? – со слезами спросила она. – Чем помочь?

– Ох, – стонал Маркиз, – умираю... Может, чайку выпить напоследок?

– Тебе сюда принести? – суегилась Лола.

– Дойду до кухни... – пропыхтел Леня, поднялся с трудом и пошел, опираясь на верное Лолино плечо.

Через некоторое время в комнате остался один Пу И, в упоении катавшийся по куче Лолиных платьев и костюмов.

Из кабинета оценщика вышла неброско одетая женщина средних лет. При ближайшем рассмотрении было видно, что женщина одета хоть и скромно, но не бедно, движения ее уверенные, походка решительная и что обычно она не совершает необдуманных поступков и вообще твердо знает, чего хочет. То есть все это было раньше, до того момента, когда она решила обратиться в комиссионный магазин. Не потому, что срочно нужны были деньги, просто вещь, которую она принесла на комиссию, была ей совершенно не нужна. Однако, судя по всему, приняли ее так нелюбезно, что эта закаленная жизнью женщина пришла в некоторое смятение. Она удивленно моргала, и губы обиженно дрожали.

Не оглядываясь, женщина вышла на улицу, сильно хлопнув дверью. В окно было видно, как она оглянулась на витрину магазина и выругалась сквозь зубы.

– Следующий! – донеслось из кабинета.

Со своего места поднялась элегантная старушка в трауре. Черное платье, шляпка с перышками и гроздью черного винограда, плотная вуаль придавали ей загадочный и несовременный вид. В руках старушка держала сумочку из черного бисера.

Накануне компаньоны долго обсуждали, в каком виде Лола должна появиться в комиссионном магазине. Маркиз поддерживал идею о старушке, но считал, что шляпка с виноградом и вуалью – это явный перебор.

– Ты пойми, – горячился он, – ведь там на комиссии такой прохиндей сидит, у него глаз, что ватерпас! Он человека насквозь видит, еще только тот в дверь голову просунет! Иначе на

такой работе нельзя! А тут ты в такой шляпе! Да ведь если он хоть слегка засомневается, то просто отфутболит тебя и старику тому скажет, чтобы не связывался! Ведь они все же здорово рискуют!

– С чего это он вдруг засомневается? – холодно спросила Лола. – Ты считаешь, что я не смогу сыграть пожилую вдову?

Леня тут же прикусил язык, потому что сомневаться в Лолином актерском мастерстве он просто не мог себе позволить. Лолка такого никогда не простит.

Войдя в кабинет, старушка уселась за стол, положила перед собой сумочку, достала из рукава маленький кружевной платочек и, приподняв вуаль, промокнула глаза.

– Что у вас, – недовольным голосом проговорил оценщик, лысый мужчина лет сорока, с густыми черными бровями и презрительно оттопыренной нижней губой.

При этом он смотрел куда-то мимо старушки или сквозь нее, как будто она была полупрозрачным облачком пара.

– Если бы был жив Василий Аркадьевич, – проговорила старушка, снова приподнимая вуаль. – Если бы он был жив, я никогда... ни в коем случае... я не опустила бы...

– Какой еще Василий Аркадьевич? – переспросил оценщик, концентрируя взгляд на старушке. – Из налоговой?

– Почему из налоговой? – старушка моргнула. – Василий Аркадьевич – мой покойный супруг, профессор... он никогда не допустил бы... он так обо мне заботился... сорок пять лет душа в душу... но с тех пор, как его не стало, мне все приходится делать самой...

– Вот только этого не надо! – оценщик повысил голос. – Вы не у психотерапевта! Вы в комиссионном магазине! Меня ваши воспоминания не интересуют! Мое время очень дорого стоит! Вы что-то мне принесли – так показывайте, а нет – позовите следующего!

– Извините, – испуганно проговорила старушка. – Конечно, я понимаю, вам некогда... вы очень заняты...

Она торопливо, дрожащими пальцами в черных кружевных перчатках расстегнула бисерную сумочку, выложила на стол бархатный футляр и откинула его крышку. На черном бархате лежал круглый золотой медальон с выложенным мелкими искрящимися камешками вензелем ЕК.

– Медальон, – проворчал оценщик. – Медальоны сейчас никто не покупает... тем более с вензелем...

Он протянул руку, нажал широким плоским ногтем, откинув крышечку медальона. Внутри находился портрет на эмали – очаровательная дама в открытом бальном платье...

– Это моя бабушка, – сообщила старушка, кокетливо поправив шляпку. – Не правда ли, мы очень похожи?

– Кому нужна ваша бабушка? – проскрипел оценщик, захлопывая крышку. – Чужая бабушка никому не нужна!

Он вставил в глаз увеличительное стекло, осмотрел медальон с обратной стороны и поднял взгляд на посетительницу.

– Это семейная реликвия, – вздохнула старушка. – Я ни за что не продала бы медальон, но внушка покупает квартиру... вы понимаете... очень нужны деньги...

– Я все понимаю! – отозвался оценщик, подбрасывая медальон на ладони. – Две тысячи!

– Сколько? – Старушка приподняла вуаль и растерянно уставилась на мужчину, потом перевела взгляд на медальон, словно увидела его в первый раз. – Сколько вы сказали?

– Я сказал – две тысячи!

– Побойтесь бога! – воскликнула старушка, всплеснув руками. – Да здесь одни бриллианты...

– Это не бриллианты, – оценщик пренебрежительно отбросил медальон на стол. – Это мелкие осколки! Сейчас на такие изделия совершенно нет спроса! В общем, я вам назвал

цену, не хотите – покиньте кабинет! У нас не благотворительная организация, а коммерческая фирма!

– Безобразие! – пробормотала старушка, поднимаясь. Она спрятала медальон в футляр, футляр положила в сумочку и заковыляла к выходу, что-то бормоча под нос.

Оценщик проводил ее взглядом, достал из кармана мобильный телефон и что-то вполголоса сообщил. Только после этого громко выкрикнул:

– Следующий!

Старушка в трауре вышла на крыльцо комиссионного магазина, огляделась по сторонам и медленно двинулась к троллейбусной остановке. Но не успела она сделать и десяти шагов, как к ней подошел невысокий, худенький, чрезвычайно благообразный старичок в несколько поношенном, но очень аккуратном черном костюме, с черным же галстуком. Костюм слегка лоснился на локтях, но голубые глаза старичка сияли честностью и бескорыстной любовью к ближнему.

Подхватив старушку под локоток, он проговорил со старомодной галантностью:

– Пардон, мадам, вы чем-то огорчены? Может быть, я могу вам помочь?

– Я огорчена человеческой подлостью! – сообщила старушка, окинув незнакомца взглядом, – подлостью и черствостью! Я принесла в этот магазин, – она кивнула в сторону комиссионки. – Принесла одну старинную вещь, семейную реликвию... я ни за что не рассталась бы с ней, если бы не стесненные обстоятельства... и вы не представляете, сколько они за нее предложили! Две тысячи!

– Две тысячи? – деловито переспросил старичок. – А что за вещь?

– Золотой медальон, старинный... с бриллиантовым вензелем! И с портретом моей бабушки. Представляете, он сказал, что на медальоны сейчас нет спроса!

– Да, на медальоны спроса действительно нет... – старичок пригорюнился. – А знаете что? – Его голубенькие глазки засияли, как будто он нашел неожиданное решение проблемы. – Давайте я взгляну на ваш медальон! Может быть, я куплю его... просто чтобы выручить вас! Я не могу спокойно смотреть, как страдает интеллигентная дама!

– Да что вы? – Старушка сложила руки. – Право, мне неудобно... но как же... не можем же мы прямо на улице...

– Зачем на улице? – старичок показал на дверь небольшого кафетерия. – Мы можем зайти сюда... кажется, здесь довольно тихо, и нам никто не помешает...

В кафетерии действительно было тихо и пусто. Единственная официантка скучала под глянцевым постером с портретом Филиппа Киркорова. При виде старичка она оживилась: он неплохо приплачивал ей за невмешательство в свои дела.

Устроившись за угловым столиком, отгороженным от зала искусственной пальмой с пыльными сероватыми листьями, старичок заказал две чашки кофе, дождался, пока официантка принесет заказ, и только тогда обратился к своей спутнице:

– Ну, дорогая моя, покажите, что у вас за медальон!

Старушка выложила «семейную реликвию» на стол и уставилась на покупателя в немом ожидании.

Тот внимательно оглядел вещицу, воспользовавшись складной лупой, поковырял камешки вензеля, откинул крышку.

Увидев внутри портрет, восхищенно заахал.

– Как вы на нее похожи! Вы говорите, это ваша бабушка? Просто одно лицо! Какие благородные черты!

Старушка приосанилась и кокетливым жестом поправила шляпку. Покупатель поднял на нее проникновенные голубые глазки и сказал с придыханием:

– Преле-естная вещица! Просто преле-естная! Сколько, вы говорите, вам за нее предложили?

– Две тысячи, – выдохнула старушка, брезгливо поморщившись.

– Безобразие! – Голубые глазки запылали от возмущения. – Да как он посмел! Это просто возмутительно! За такой прекрасный медальон – две тысячи! Нет, я вам заплачу за него две с половиной! Даже три тысячи! Даже... из уважения к вам... три с половиной!

– Три с половиной? – растерянно переспросила старушка. – Честно говоря, я думала... думала, что он стоит больше...

– Вы совершенно правы! – горячился старичок. – Я дам вам... – он изобразил на лице смятение и наконец выпалил: – Я дам вам три тысячи семьсот рублей! Конечно, это уже себе в убыток, но я не могу безразлично взирать на страдания такой благородной особы! Три тысячи семьсот!

Он произнес последнюю цифру с такой гордостью, как будто сообщал своей собеседнице о том, что она получила приглашение на званый обед от английской королевы.

– Ну, если вы считаете, что большего за него не выручишь... – вздохнула старушка.

– Я хотел бы заплатить за него больше, гораздо больше! – воскликнул покупатель. – Только для того, чтобы порадовать вас. Но – увы! – дать больше я просто не в состоянии! Это максимум...

– Ну что ж... – Старушка еще раз вздохнула и пододвинула медальон к покупателю. – Если бы не обстоятельства, я никогда бы с ним не рассталась...

– Ах, как я вас понимаю! – Старичок поспешно спрятал медальон в карман и отсчитал облапошенной бабке ее деньги, радуясь тому, как легко провернул такое выгодное дельце. Хорошая прибавка к пенсии! Конечно, придется поделиться с оценщиком из комиссионки, но и на его долю останется достаточно...

Оставив старушку допивать кофе, он покинул кафетерий и в прекрасном настроении двинулся в сторону дома, чтобы спрятать в сейфе сегодняшний трофей.

Однако не успел он сделать и десяти шагов, как беззвучно распахнулась дверца припаркованной возле тротуара скромной «девятки» и перед старичком возник молодой человек с непослушной рыжей шевелюрой.

– Лейтенант Ухорылов! – представился он, раскрыв красную книжечку. – Можно вас на два слова?

– А в чем дело? В чем дело? – заволновался старичок. – Я приличный законопослушный человек... меня все знают... если что – позвоните майору Килькину... он вам все объяснит...

– Майору Килькину и без вас головной боли хватает, – послышался из салона «девятки» негромкий внушительный голос. – Майору сейчас совершенно не до вас!

Этот голос прозвучал так уверенно, что сердце предприимчивого старичка упало, как будто он провалился в кабину лифта. Как будто открыл дверцу, шагнул вперед – и полетел в пустую темную шахту, сквозь бесчисленные этажи.

Вот тебе и прибавка к пенсии!

Неужели майор, подлец, сдал его, несмотря на аккуратные отчисления? Или у него самого начались неприятности и Килькину теперь не до своих подопечных?

Старичок скосил глаза, заглянув в салон припаркованной машины. На заднем сиденье сидел молодой человек лет тридцати пяти (совсем мальчишка, по меркам старика), с довольно приятной, но совершенно не запоминающейся наружностью.

– Да-да, подсаживайтесь, Петр Никифорович! – гостеприимно предложил молодой человек. – Нам с вами есть о чем поговорить! Да вы и сами это понимаете!

Рыжий лейтенант подтолкнул старичка, и тому ничего не оставалось, как плюхнуться на заднее сиденье «девятки» рядом с хорошо информированным незнакомцем.

В голове его при этом роились самые неприятные мысли:

«Они знают, кто я такой. Значит, это не случайная проверка. Значит, они охотятся именно за мной. И майор, понятное дело, ничем мне не поможет...»

– Майор вам не поможет, – проговорил неприметный незнакомец, как будто прочел мысли старичка.

– Извиняюсь, а вы из того же отделения? – осведомился старый жулик, все еще питавший слабые надежды на любовное разрешение конфликта.

– Нет! – жестко отозвался незнакомец. – Мы из седьмого отдела!

– Из какого? – переспросил Петр Никифорович.

– Из седьмого! – повторил молодой человек. – Это новый, недавно образованный отдел по расследованию хищений исторических и культурных ценностей...

В то же мгновение он ловким, молниеносным, удивительно профессиональным движением обшарил карманы Петра Никифоровича и вытащил на свет божий бархатный футляр со старухиным медальоном.

– Так-так, – проговорил он, раскрыв футляр и любуясь медальоном. – Интересная вещичка!

– Это фамильная реликвия, – сообщил старичок, приосанившись. – Память о дедушке...

– О дедушке? – как эхо, повторил молодой человек, пристально разглядывая бриллиантовый вензель. – И как же звали вашего почтенного дедушку?

– Евгений Кириллов, – быстро сочинил старичок подходящее к вензелю сочетание. – Носил, понимаете, в магазин... хотел прицениться... трудные материальные обстоятельства, понимаете ли... внучке хотел сделать подарок на выпускной... но мне предложили за него такую маленькую сумму, что я передумал...

– Передумали? – насмешливо переспросил собеседник. – И правильно сделали, Петр Никифорович! Потому что реализация краденого, даже за смехотворно низкую цену, – это уже статья сто тридцать шестая, пункт «Б»... до пяти лет... хотя у вас и так прилично набегает!

– Краденого? – растерянно переспросил старичок. – Почему краденого?

– Потому что, – непонятно ответил незнакомец. – Кстати, Петр Никифорович, никакой внучки у вас нет! Так что подумайте как следует и предложите нам с лейтенантом Ухорыловым более достоверную версию событий!

«То-то старуха так легко согласилась! – пробегали в его голове мысли, как антилопы при приближении льва. – Вот ведь старая воровка! Ну и времена, никому верить нельзя! А выглядела так благородно! Прямо народная артистка на пенсии! Вот урок мне, старому дураку, – никогда нельзя доверять внешности! Сам ведь на этом работаю, казалось бы, должен в людях разбираться...»

Вслух, однако, он сказал совсем другое:

– Вы правы... извините, не расслышал ваше звание...

– Капитан Несгибайло. – Молодой человек махнул в воздухе раскрытым удостоверением.

– Так вот, гражданин капитан, вы правы... все было не так, точнее, не совсем так... я случайно встретил здесь, возле комиссионного магазина, очень расстроенную интеллигентную даму... она чуть не плакала, а я не выношу женских слез. Ну, вот и захотел помочь. Оказалось, что она принесла в магазин этот медальон... фамильная реликвия, память о покойном муже... трудные материальные обстоятельства... сами понимаете...

– Хотела внучке подарок сделать! – подсказал ехидный капитан.

– Возможно... но ей предложили такую малую цену... оскорбительно малую... ну, вот я и пожалел ее, предложил купить эту вещицу... вещь красивая...

– И за сколько вы ее купили?

– За десять тысяч, – старичок скромно потупился. – Хотя медальон стоит гораздо дороже, но больше я не мог предложить... вы же понимаете, я пожилой человек, с ограниченными средствами...

– Ну что ж, – одобрительно проговорил капитан. – Эта версия мне нравится больше. Но мой личный вкус не играет большой роли. Гораздо важнее, как к вашей версии отнесется суд. А он, боюсь, отнесется к ней хуже, чем я. Боюсь, суд не поверит в эту таинственную старушку. Тем более, суд учтет, что медальон украден из музея, имеет историческую и культурную ценность...

– Из музея? – переспросил Петр Никифорович. – Почему из музея? Из какого музея? Не может быть!

– Очень даже может! – И злобный капитан развернул перед Петром Никифоровичем глянцевый журнальный лист с несколькими цветными фотографиями.

– Перечень экспонатов, похищенных из музея ювелирного искусства, – машинально прочитал Петр Никифорович.

Под этим заголовком мелким шрифтом был набран какой-то список, но для того, чтобы прочесть этот список, ему пришлось бы поменять очки. А вот для того, чтобы разглядеть помещенные ниже фотографии, очки ему вовсе не понадобились.

Здесь была фотография браслета в виде платиновой змейки с изумрудными глазами, пресс-папье в форме серебряной совы, отделанной бирюзой и цветной эмалью, серебряных карманных часов и золотого медальона с бриллиантовым вензелем на крышке.

Того самого медальона, который держал в своей руке капитан Несгибайло.

– Ах она мерзавка! – выдохнул Петр Никифорович, утратив последние остатки веры в человечество.

– Не повторяйтесь, уважаемый! – оборвал его капитан. – Еще раз говорю – суд вряд ли поверит в вашу загадочную старушку! Вы знаете, какое большое внимание сейчас уделяется музейным кражам. Ими занимаются на самом высоком уровне, и вас могут сделать козлом отпущения!

Петр Никифорович похолодел. Он понимал, что капитан прав.

– А вот если вы поможете следствию...

– Что вам нужно? – В голубых глазах старичка затеплилась надежда. Ему явно хотят предложить какую-то сделку.

– Если вы дадите нам ценную информацию еще о какой-нибудь из украденных вещей, тогда, возможно, мы сможем поддержать вашу сомнительную версию о таинственной старушке... как считаешь, Ухорылов, сможем?

– Запросто, – подтвердил рыжий лейтенант. – Кто к нам по-хорошему, тому и мы поможем!

– Так как, Петр Никифорович? Видели вы какую-нибудь из этих вещей?

– Часы... – пробормотал старичок, моргая выпученными глазками. – Эти часы я видел...

– Очень хорошо, – поддержал его капитан. – Расскажите поподробнее. Где видели, при каких обстоятельствах, где они сейчас...

– Я прогуливался здесь же... неподалеку от магазина... – начал Петр Никифорович.

– Удивительное у вас пристрастие к прогулкам в этом районе! – проговорил капитан. – Я бы даже сказал, странное пристрастие! Зелени здесь мало, воздух так себе... впрочем, на вкус – на цвет товарищей нет... продолжайте, уважаемый!

– Так вот, прогуливался я здесь, и вдруг увидел расстроенного молодого человека...

– Видишь, Ухорылов! – Капитан повернулся к своему подчиненному. – Видишь, какие бывают на свете неравнодушные, отзывчивые люди! Вот ты, например, если бы увидел расстроенного молодого человека, наверняка прошел бы мимо!

– Если бы девушку, то, может, и не прошел бы... – вставил рыжий лейтенант.

– Вот ты какой! – вздохнул капитан. – Учись у Петра Никифоровича! Старая гвардия умирает, но не сдается... Впрочем, что-то я немного заговорился...

– Так вот, увидел я этого молодого человека, – продолжил старик, – и спросил, чем могу ему помочь...

– Какое человеколюбие! – всхлипнул капитан. – Продолжайте, продолжайте! Я умолкаю! У меня просто нет слов!

– Ну вот... а он сказал, что принес в этот магазин отцовские часы, но ему предложили слишком малую цену. Я взглянул на его часы и предложил вдвое больше. В общем, мы с ним договорились... так вот, это были вот эти самые часы! – И Петр Никифорович ткнул пальцем в журнальную фотографию.

– Вы уверены? – Капитан Несгибайло пристально уставился на старичка, как будто хотел заглянуть под его черепную коробку.

– Ну да... вы видите эту гравировку на крышке?

На крышке серебряных часов был отчетливо виден гравированный рисунок – скорпион, агрессивно выставивший вперед хвост с грозным жалом.

– М-да... интересная картинка... – неопределенно протянул капитан. – Итак, вы купили часы у этого молодого человека. Исключительно из человеколюбия. Значит, сейчас они у вас?

– К сожалению, нет! – Петр Никифорович потупился. – У меня их выпросила одна дама...

– Что значит выпросила? – удивился капитан. – Неужели вы делаете... м-м... знакомым женщинам ценные подарки? В ваши годы! Никогда бы не подумал!

– Вы меня не так поняли! – повысил голос Петр Никифорович.

Петр Никифорович обитал в отдельной двухкомнатной квартире, в так называемом сталинском доме.

На одной площадке с ним проживала некая Марианна Валерьевна, приятная дама с обширными связями и знакомствами. Петр Никифорович старался поддерживать с соседями хорошие отношения и несколько раз оказывал своей соседке мелкие необременительные услуги. И был не очень удивлен, когда однажды вечером Марианна Валерьевна позвонила в его дверь.

Пришла она не одна, а со своей подругой, ухоженной дамой сорока с небольшим лет.

«У Людмилочки возникла небольшая проблема, – сказала соседка, познакомив Петра Никифоровича с подругой. – Ей нужен подарок мужу на день рождения... что-нибудь небанальное, неизбитое, оригинальное... думаю, вы меня понимаете! А у вас иногда бывают такие интересные вещи!»

– И я пошел им навстречу, – с горестным вздохом признался Петр Никифорович. – Показал кое-какие вещицы... в том числе эти часы! – И он снова ткнул в фотографию. – И эта Людмила сразу загорелась... Дело в том, что ее муж по гороскопу как раз Скорпион, так что подарок получился очень уместный...

– Значит, теперь часы у этой Людмилы, – констатировал капитан Несгибайло. – Надеюсь, вы понимаете, что в том случае, если вы умышленно ввели нас в заблуждение, ваше положение чрезвычайно усугубится?!

– Что вы! – старичок уставился на капитана честными голубыми глазами. – Может быть, я не очень честный человек, но разве я похож на дурака?

– Не похожи! – вынужден был признать капитан.

После этого он уточнил домашний адрес Петра Никифоровича, выяснил все, что он знает о своей соседке и ее подруге Людмиле, и отпустил его на все четыре стороны.

Неприметная «девятка» отъехала, насмешливо фыркнув мотором, а Петр Никифорович остался на улице. В душе у него шевелились смутные сомнения. Капитан Несгибайло и его рыжий напарник казались ему какими-то ненатуральными.

– Не милиция это, – бормотал старичок, направляясь к ближайшей станции метро. – А если не милиция, то кто же?..

Людмила Ивановна Откусенко убрала в нижний ящик стола коробку бельгийского шоколада и плотно набитый розовый конверт. Она машинально поправила волосы и громко произнесла:

– Следующий!

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился очень приличный мужчина тридцати пяти – сорока лет, с приятной, но не запоминающейся внешностью.

– Что у вас? – осведомилась Людмила Ивановна, снова поправив волосы. – Помещение в нежилой фонд хотите перевести?

– Нет, – смущенно проговорил посетитель, присаживаясь на самый краешек стула. – У меня другой вопрос... можно сказать личный... прямо даже не знаю, можно ли беспокоить такого занятого человека, как вы, по такой ерунде!

– Не смущайтесь. – Людмила Ивановна с интересом пригляделась к посетителю. – Вам нужна коммерческая аренда? Все зависит от цены вопроса!

– Цена вопроса – до пяти лет с конфискацией! – проговорил посетитель совершенно другим тоном и положил на стол перед Людмилой Ивановной раскрытое удостоверение. – Капитан Несгибайло, седьмой отдел!

– Это клевета! – выпалила Людмила, покрывшись холодным потом и незаметно скосив глаза на нижний ящик стола. – Курослепов сам себе дал взятку! Я тут абсолютно ни при чем!

В следующую секунду она прикусила язык: этот странный капитан еще ничего ей не сказал, а она уже наговорила лишнего... Кроме того, ее начальник поддерживал хорошие отношения с проверяющими инстанциями, так что никаких неожиданных проверок у них не бывало... и вообще, что это за седьмой отдел?

– Что это за седьмой отдел? – осведомилась она, еще более внимательно приглядываясь к посетителю.

– Отдел по хищениям художественных ценностей, – доверительно сообщил тот, убирая удостоверение во внутренний карман пиджака. – Недавно образован, в связи с известными событиями...

– А при чем тут я? – искренне удивилась Людмила Ивановна, мысленно перекрестившись.

– Вы приобрели для своего мужа такие часы. – Капитан выложил на стол глянцевый лист с несколькими цветными фотографиями и ткнул кончиком карандаша в одну из них – серебряные карманные часы с изображением скорпиона на крышке. – Вы хотели сделать подарок ему на день рождения, поскольку он у вас Скорпион...

– Какой подарок! – Людмила Ивановна всхлипнула. – Какой день рождения! Никакой он не скорпион, а самый настоящий козел!

Людмила Ивановна увидела истинное лицо мужа совсем недавно, буквально на прошлой неделе, и причиной этого стало совершенно ничтожное событие.

В ее кабинете меняли шторы.

Кто-то из спонсоров их серьезного и уважаемого учреждения выделил средства на новые занавески – отличные занавески из плотной французской ткани с модными креплениями, так называемыми люверсами, то есть металлическими кольцами, запрессованными в ткань. Теперь бригада, развешивающая эти самые занавески, переходила из кабинета в кабинет, и вот очередь дошла наконец до комнаты, занимаемой старшим инспектором Откусенко.

Кто-то может подумать, что шторы – незначительная, маловажная деталь интерьера и тратить на них спонсорские деньги глупо и расточительно. Но, во-первых, деньги все равно спонсорские, то есть дармовые, а во-вторых, хорошие шторы – это важнейший элемент кабинета всякого уважающего себя чиновника. Потому что эти самые шторы должны надежно закрывать все, что происходит внутри этого кабинета, от глаз не в меру любопытной обще-

ственности. Поэтому они должны быть особенно плотными, непроницаемыми для постороннего взгляда. Иначе какой-нибудь житель расположенного напротив двенадцатиэтажного дома может случайно увидеть, как Людмила Ивановна убирает в нижний ящик стола коробки и конверты.

Итак, как только в кабинет Людмилы Ивановны заглянули две жизнерадостные тетки и парень со стремянкой, она собрала свои вещи и отправилась домой.

Она решила использовать свободный день, чтобы провернуть внеплановую стирку, а потом посетить парикмахершу-надомницу Тамару Васильевну, проживающую в соседнем доме. Потому что в преддверии мужниного дня рождения следовало привести себя в порядок, в частности, покрасить волосы.

Поднявшись на свой этаж, Людмила Ивановна достала ключи и один за другим открыла все многочисленные замки. При этом ей показалось, что из квартиры доносятся какие-то странные звуки.

Решив, что у соседей работает телевизор, она вошла в прихожую, скинула плащ, туфли и потянулась за своими домашними тапочками.

Однако ее любимых тапочек на месте не оказалось.

Это были замечательные мягкие тапочки в форме двух очаровательных собачек – с глазами, ушами и темным носом. Эти тапочки подарила ей в прошлом году на Восьмое марта подруга Марианна. Утром Людмила Ивановна оставила их на привычном месте, в коридоре под вешалкой, она была в этом совершенно уверена, но теперь их на этом месте не было.

Больше того, вместо любимых мягких тапочек под вешалкой стояли совершенно незнакомые уличные туфли примерно тридцать девятого размера.

Людмила Ивановна не сразу поверила своим глазам. Ее сознание в целях самосохранения некоторое время не допускало до нее страшную истину.

И тут до нее снова донеслись те же странные звуки, которые она слышала перед дверью квартиры.

Звуки раздавались из спальни четы Откусенко.

Людмила Ивановна, как была без тапочек, двинулась на эти звуки.

Дверь спальни была полуоткрыта.

На широкой супружеской кровати находились муж Людмилы Ивановны Сергей Петрович и паспортистка из жилконторы Елизавета. Причем они находились в такой сложной акробатической позиции, какую смог бы повторить далеко не всякий цирковой артист.

Людмила Ивановна застыла, как громом пораженная.

Больше всего возмутил ее не сам факт супружеской измены. И даже не то, что ее муж, обычно предпочитавший заниматься *этим* в темноте и под одеялом, а из всех известных позиций практиковавший только самую традиционную, развлекается с Елизаветой при свете дня и в такой невероятной цирковой позе. И даже не те возмутительные звуки, которые он при этом издает.

Больше всего ее возмутил вид любимых мягких тапочек, тапочек с трогательными висячими ушами и выразительными собачьими глазами, небрежно брошенных возле кровати. У этих тапочек был такой невинный, такой растерянный и оскорбленный вид, что Людмила Ивановна окончательно лишилась дара речи. Заниматься такими безобразиями при этих тапочках казалось ей столь же возмутительным, как... как делать это при детях.

– Козел! – завопила Людмила, когда прошло первое оцепенение и она смогла двигаться и говорить. – Я тебя кормлю, пою и воспитываю, а ты приводишь в дом девок! Мало того, что ты кувыркаешься с ними в нашей супружеской постели, так они еще надевают мои тапочки! Мои любимые тапочки!

– Ка...какие тапочки? – пробормотал Сергей Петрович, с трудом выкарабкавшись из объятий Елизаветы и безуспешно пытаясь натянуть на себя одеяло. – При чем здесь тапочки?

Людмила, ты все неправильно поняла... и почему ты говоришь о ней во множественном числе? Елизавета... она зашла, чтобы объяснить нам порядок перерасчета платы за механическое обслуживание дома...

– За техническое обслуживание, – басом поправила Елизавета, приняв горизонтальное положение и натянув одеяло до подбородка. – Эта плата рассчитывается, исходя из специального норматива...

– У нее, наверно, сороковой размер ноги! Она наверняка разорвала мои тапочки! – вопила Людмила, оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого.

– Всего только тридцать восьмой! – возмущенно отозвалась Елизавета, выпустив конец одеяла, которое тут же перетянул на себя Сергей. – Нужны мне ее тапочки!

– При чем здесь какие-то тапочки? – недоуменно воскликнул неверный муж. – Я не понимаю... и потом, ты же знаешь, я вовсе не иждивенец! Я сам работаю... у меня собственный бизнес!

– Да я только и делаю, что выплачиваю твои долги! Этот твой бизнес у меня уже вот где! Лучше бы ты дома сидел и хозяйством занимался! – взвизгнула Людмила. Наконец, на глаза ей попала дорогая немецкая ваза, она схватила ее и с размаху швырнула на пол. Паркет покрылся мелкими осколками цветного фарфора, как земля в саду покрывается цветочными лепестками.

– Я, пожалуй, пойду, – пробасила Елизавета, осторожно выбираясь из кровати и собирая с пола свою разбросанную одежду. – Я, кажется, не вовремя... вы тут разговаривайте, а мне еще в семнадцатую квартиру нужно зайти... по поводу перерасчета...

Она попыталась всунуть ноги в сиротливо валяющиеся тапочки, но Людмила коршуном бросилась на нее, вцепилась в волосы и принялась таскать по комнате, приговаривая:

– Вот тебе техническое обслуживание дома! Вот тебе расчет по нормативу! Вот тебе камасутра! Вот тебе чужие тапочки!

Работа в жилконторе закаляет морально и физически, поэтому Елизавета довольно быстро сумела вырваться из рук Людмилы Ивановны и с боем пробилась к выходу из квартиры. Правда, одеваться ей пришлось на лестничной площадке, под восхищенным взглядом бабушки Никифоровой, которая припала к «глазку» соседней двери. Так что через несколько часов событие стало известно всей общественности дома и даже целого микрорайона.

Для Людмилы Ивановны происшествие имело следующие серьезные последствия.

Во-первых, ей приходилось проскальзывать домой и из дома тайком, как агенту иностранной разведки, поскольку все окрестные кумушки провожали ее пристальными взглядами и шушукались за спиной. Во-вторых, ей пришлось выбросить любимые тапочки с трогательными ушами, потому что надеть их после случившегося она больше не могла. И, в-третьих, она решила не праздновать день рождения проштрафившегося мужа и не делать ему ценных подарков.

Собственно говоря, только это последнее Людмила Ивановна и сообщила капитану Несгибайло, здраво рассудив, что ее семейные неурядицы совершенно не касаются сотрудника загадочного седьмого отдела.

– Значит, часы остались у вас, – констатировал настойчивый капитан.

– Нет... – протянула Людмила Ивановна. – А вообще, почему вас так интересуют эти часы?

– Потому что они краденые! – строго проговорил капитан и отогнул верхнюю часть журнального листа, которая до этого не была видна Людмиле.

«Перечень экспонатов, похищенных из музея ювелирного искусства», – прочитала она набранный крупным шрифтом текст.

– Вы же знаете, какое внимание сейчас уделяется музейным кражам, – проговорил Несгибайло, перегнувшись через стол. – Извиняюсь, тут никакие связи не помогут!

– Ой! – воскликнула Людмила, отшатнувшись.

– Но если вы поможете нам вернуть часы в музей, мы пойдем вам навстречу, – пообещал капитан. – Мы ведь тоже люди... понимаем, что у вас семейные неприятности...

– Но у меня нет этих часов! – выдохнула Людмила.

– То есть как нет? – строго проговорил капитан. – Ведь вы приобрели их для мужа...

– Ну да, а когда передумала дарить ему, захотела получить обратно свои деньги... а тут ко мне зашла двоюродная сестра, сказала, что ее Лешенька хорошо сдал экзамены, и она хочет сделать ему подарок... ну, я ей и предложила эти часы...

– Лешенька? – недоверчиво переспросил капитан Несгибайло. – Но ведь сейчас осень, никаких экзаменов нет...

– Ну, у него были хвосты, и он их сейчас сдал...

– Странный подарок для молодого человека... – проговорил капитан, постукивая пальцами по столу. – Ну, в конце концов, меня это не касается. Мне нужно вернуть эти часы в музей. Итак, как зовут вашу двоюродную сестру и где она живет?

– Записывайте. – Людмила Ивановна с облегчением поняла, что визит капитана скоро завершится.

Двоюродная сестра Людмилы, Александра Борисовна, была женщина увлекающаяся. Ее муж Николай много и тяжело работал, обеспечивая ей спокойную и довольно безбедную жизнь, а Александра увлеченно занималась воспитанием своего единственного и обожаемого сына Лешеньки.

Она считала, что у него должно быть все самое лучшее.

– На детях нельзя экономить! – повторяла она вслед за каким-то умным человеком, которому за эту фразу хорошо заплатили производители товаров для детей.

Сначала у Лешеньки была самая лучшая коляска, самые дорогие ползунки и погремушки, потом самые лучшие игрушки. Понемногу игрушки становились все дороже и сложнее. Вскоре это был уже прекрасный компьютер с целым набором игровых приставок.

– Лешенька будет учиться играя! На детях нельзя экономить! – говорила Александра мужу, когда он удивлялся тому, как дорого стоит вся эта техника.

Правда, играть-то сын играл, но учился все равно не очень хорошо, скорее даже плохо, и Александре Борисовне то и дело приходилось бегать в школу с дорогими подарками для учителей, чтобы те вывели ее чаду приличные оценки.

– На детях нельзя экономить! – повторяла она. – Особенно на их образовании!

Время шло очень быстро, и Александра Борисовна не успела глазом моргнуть, как Лешенька закончил школу (правда, с не очень хорошими результатами, несмотря на все ее усилия), и пришло время устраивать его в институт.

– На образовании детей нельзя экономить! – произнесла она свою коронную фразу. – У моего Лешеньки, конечно, должен быть самый лучший диплом!

Она нашла институт с очень красивым названием. Судя по рекламе, выпускники этого института сразу после его окончания должны были стать как минимум послами, причем в самых приличных странах с хорошим здоровым климатом.

Правда, Александру Борисовну немного насторожило то, что таких стран на земном шаре не слишком много, а выпускников институт готовит многие сотни каждый год. Впрочем, судьба всех этих сотен выпускников ее не слишком волновала, а для ее Лешеньки приличная страна наверняка найдется...

Несомненным плюсом этого института являлось то, что вступительные экзамены были достаточно легкими. Гораздо более тяжелым был вступительный денежный взнос.

Когда Александра Борисовна, немного волнуясь, назвала сумму этого взноса мужу, тот невольно крикнул.

Но Александра повторила свою любимую фразу:

– На детях нельзя экономить, особенно на их образовании! Инвестиции в образование – это инвестиции в будущее!

После такого заявления мужу ничего не оставалось, как отложить давно запланированный отпуск и перечислить деньги на расчетный счет института.

Правда, как выяснилось, платить нужно было непрерывно: за каждый семестр, за каждый зачет, за каждый экзамен...

Кроме того, выяснилась еще одна довольно неприятная деталь.

Студенты в Лешинском институте учились в основном из обеспеченных, даже богатых семей, по сравнению с которыми достаток Александры Борисовны был явно недостаточным. У Лешеньки была слишком скромная машина (подержанный «Опель», а не «Порше», «Лексус» или, на крайний случай, «Мерседес»), одевался он в приличных магазинах готовой одежды, а не у известных дизайнеров... В общем, он чувствовал себя ущемленным, о чем постоянно говорил матери. Александра Борисовна выговаривала своему мужу, а тот, и без того измотанный, старался просто пореже бывать дома.

Кроме того, прочие студенты оказывали на Лешеньку отрицательное влияние. Они употребляли наркотики (хорошо, если только легкие), посещали ночные клубы, казино и прочие сомнительные заведения...

Александра Борисовна тяжело вздыхала, видя по телевизору, какая в наше время распущенная молодежь, и слушая ужасные рассказы знакомых на ту же тему.

– К счастью, – говорила она, когда до нее доходила очередь, – к счастью, мой Лешенька совсем не такой! Он такой чистый, трепетный, бескорыстный мальчик! Никакая грязь к нему не пристает! Вот что значит уделять много внимания воспитанию ребенка и никогда на нем не экономить!

Лешенька всегда был очень вежлив. Он никогда не хамил матери, говорил ей: «Спасибо, мама!» – выходя из-за стола, трогательно благодарил ее за подарки. В общем, он ничего от нее не требовал... он просто рассказывал об обновлениях своих однокурсников, об их новых машинах и прочих приобретениях, и глаза у него делались грустными-грустными... Александра Борисовна хваталась за сердце и нажимала на мужа.

Больше всего она переживала, как бы Лешенька не почувствовал себя обделенным, и это чувство не толкнуло его на скользкую дорожку криминала. Ведь примеров вокруг многие тысячи!

Поэтому, когда к ней на улице возле продовольственного магазина подошел мужчина лет тридцати пяти – сорока, с приятной, но не запоминающейся внешностью, и показал красную книжечку с фотографией – Александра Борисовна схватила за сердце и воскликнула дрогнувшим голосом:

– Лешенька! Что с ним случилось?

– Пока ничего, – обнадежил ее незнакомец. – Но все может случиться. Вы можете уделить мне несколько минут? – И он пригласил ее на заднее сиденье стоящей рядом машины.

– Капитан Несгибайло, – представился мужчина, устроившись рядом с испуганной матерью.

– Товарищ капитан! – взволнованно воскликнула Александра Борисовна, схватив собеседника за руки. – Не скрывайте от меня правду, я должна знать все! Лучше страшная правда, чем красивая ложь! Что с моим Лешенькой?

– Уверяю вас, пока он в полном порядке, – успокоил ее капитан. – Но я хотел спросить вас вот о чем. По имеющимся у нас сведениям, вы купили для него серебряные часы.

– Ну, купила. – Александра Борисовна удивленно взглянула на капитана. – Я никогда не экономила на ребенке. Все лучшее – детям... но я не понимаю...

– Сейчас поймете. – Капитан Несгібайло достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо журнальный лист и развернул его перед Александрой Борисовной: – Эти часы?

– Да, эти, – отозвалась та, разглядев фотографию. – Но я все равно ничего не понимаю... Лешенька хорошо сдал экзамены... точнее, он их пересдал, но это не имеет значения... Разве я не могу делать подарки своему ребенку?

– Смотря какие, – сказал капитан, раскрывая перед испуганной женщиной заголовок статьи.

– Перечень экспонатов, похищенных... – прочитала Александра Борисовна, и ей стало дурно.

– Но я ни при чем! – воскликнула она, подняв взгляд на капитана. – Это Людмила... это она...

– Я не сомневаюсь в вашей невинности, – успокоил ее мужчина. – Я только хочу предупредить возможные неприятности. Ведь эти вещи не просто украдены, они украдены из музея! А вы знаете, как серьезно сейчас к этому относятся! Что, если вашего сына задержат с этими часами? Чисто случайно, на улице или, допустим, на дискотеке... Я, конечно, знаю, что он невиновен, но не все мои коллеги так щепетильны... кому-то захочется быстро «раскрыть» дело, найти виновного... и ваш сын может оказаться самым удобным кандидатом...

– Ой! – простонала Александра Борисовна. – Что делать? Что делать? Помогите мне!

– Постараюсь сделать, что смогу, – пообещал ей капитан. – Но для этого мне понадобится ваша помощь. Скажите, Александра Борисовна, где сейчас может быть ваш сын?

Несчастная мать тяжело вздохнула и сообщила, что ее сын в данный момент занимается английским языком у своего однокурсника Максима Беленького. И даже сообщила адрес этого Максима.

Подойдя к квартире Максима Беленького, Маркиз (в данный момент выступающий под именем капитана Несгібайло) услышал доносящийся из-за массивной металлической двери рэп. Рэп был англоязычный, так что можно было с некоторой натяжкой считать, что в этой квартире действительно занимаются английским.

Леня надавил на кнопку звонка.

Музыка гремела оглушительно, и неудивительно, что на звонок никто не отзывался. Маркиз позвонил еще несколько раз, и наконец за дверью послышались шаги.

– Иду, иду! – прозвучал недовольный голос. – Это ты, что ли, Дашка? Где ты столько времени пропадала?

Замки загромыхали, дверь распахнулась, и перед Маркизом предстал хозяин квартиры.

Максим Беленький оказался жгучим брюнетом высокого роста в узких выбеленных джинсах и кашемировой водолазке. Нетвердая походка, мутный взгляд и красный кончик носа говорили о том, что он только что принял некоторое количество спиртного и не одну дозу кокаина.

– Эй, мужик, а ты кто? Ты не Дашка! – проявил Максим удивительную сообразительность.

– Доставка пиццы! – ответил Маркиз и вставил носок ботинка в дверной проем, предупредив попытку Максима захлопнуть дверь.

– Мы никакую пиццу не заказывали! – ответил парень, пытаясь вытолкнуть незваного гостя на лестничную площадку.

– Да что ты? – усмехнулся Леня. – Ну, тогда милиция! – И он ткнул под нос хозяину квартиры раскрытое удостоверение. – Капитан Несгібайло!

– Слышь, ты, капитан! – процедил Максим, на глазах трезвея. – Да ты знаешь, чья это квартира? Да ты знаешь, кто мой отец? Тебе что – служба надоела? Ты, капитан, никогда не будешь майором!

– Ой, как страшно! – усмехнулся Маркиз. – Щас в обморок упаду! Но мне вообще-то ты не нужен. Занимайтесь своим... английским. Мне нужен Алексей Сусеков.

– Леха? – переспросил Максим. – Ну, не хотел же я его сегодня приглашать! От него вечно одни неприятности!

Он обернулся в глубину квартиры и громко крикнул, перекрывая рэп:

– Леха! Выйди! К тебе тут пришли! Сам разбирайся, мне твои кореша надоели!

Почти сразу в прихожей показался невысокий бледный парень в узких кожаных брюках и расстегнутой белой рубашке. Его нос тоже хранил признаки употребления кокаина, на шее виднелись свежие следы помады, и обладательница этой помады, тщедушная полуодетая девица, тащилась следом, приговаривая:

– Лешка, подлец, куда ты прешься? Мы же с тобой только приняли... сейчас самый кайф начнется...

– Эй, – проговорил Леша, приглядываясь к Маркизу, – я же сказал Миксеру, что расплачусь! Вы чего, блин, совсем озверели? Мы же с ним договорились, что он подождет до понедельника!

– С ним договорились, а со мной забыли! – ответил Маркиз и выразительно мигнул хозяйину квартиры.

Сообразительный Максим моментально покинул прихожую, прихватив по пути полуодетую подругу Алексея и оставив своего приятеля один на один с «капитаном Несгибайло».

В ту же секунду рэп стал значительно громче.

Маркиз притворил за собой входную дверь и как следует встряхнул Лешу. Он был убежденным противником насилия, но бывают такие случаи, когда небольшой встряски не удастся избежать.

– Эй, ты чего! – вскрикнул Алексей, клацнув зубами. – Мы же с Миксером все обсудили! Доносящийся из глубины квартиры рэп стал еще громче.

– Это вы с миксером все обсудили, – негромким, убедительным голосом сообщил Маркиз. – А с тостером не успели!

– С каким еще Тостером? – удивленно переспросил парень. – Не знаю никакого Тостера!

– Твое счастье, – проговорил Маркиз и сунул ему под нос удостоверение. – Капитан Несгибайло, седьмой отдел!

– Так ты мент? – презрительно процедил Алексей. – Так бы сразу и сказал! У Миксера с вашими все улажено...

– Я тебе повторяю: мне на твоего Миксера наплевать с Останкинской телебашни! Я к тебе по другому вопросу! – И «капитан» сунул под нос парню порядочно истрепавшийся за время поисков глянцевого журнальный лист.

– Где эти часы?

– Ты чего, мужик, совсем сдурел? – обиженным голосом прогнусил Алексей. – На фига мне это старье? Это мамаша мне такую дрянь подсовывает, как будто я ботаник какой-нибудь... Хорошо, что Миксер у меня их принял за хорошую цену! Я ему так и так должен, но он за эти часы скостил сотку баксов и согласился остальное до понедельника подождать... так что ты, мужик, обратился не по адресу! Иди, с Миксером разбирайся! – и он хохотнул, довольный тем, как ловко отделался от назойливого мента.

– Хорошую цену, говоришь? – Леня смерил Лешу сочувственным взглядом. – Эти часы стоят немерено, а самое главное – краденые они, и не откуда-нибудь, а из музея... так что тебя вполне могут назначить крайним, а тогда тебе светит, знаешь, какая статья?

– Я тут не при делах! – взвизгнул Алексей. – Это все мамаша! Вечно мне какие-то стариковские вещи дарит! Думает, что с ними я солиднее стану! Вот, блин, и доигралась! С ней и разбирайтесь, она где хочешь подтвердит, что я не виноватый!

– Э, нет! – процедил Леня, прижав его к стене и ловко выудив из заднего кармана кожаных штанов дорогой навороченный мобильник. – Ты на мать стрелку не переводи! Сейчас ты нам со своим Миксером организуешь встречу на высшем уровне... и чтобы без фокусов, а то я тебя из-под земли достану!

Алексей, жалобно пыхтя, нажал нужную кнопку, откашлялся и проговорил:

– Миксер, здорово! Это я... ну да, хочу тебе раньше все отдать! Мать денег подкинула... давай через час в «Юркином парке»!

Через час Маркиз спускался по ступенькам в подвальчик, известный местному населению под названием «Юркин парк».

Официально это заведение носило гордое название «Парк юрского периода», и стены его были украшены изображениями динозавров, нарисованными сильно пьющим художником Архипычем в период короткого промежутка между двумя запоями. Даже в короткие периоды трезвости Архипыч никак не мог обойти вниманием любимую алкогольную тему, и с динозаврами на стенах соседствовали изображения всевозможных бутылок с крепкими спиртными напитками. Толстые серьезные бронтозавры паслись среди квадратных бутылок виски «Джонни Уокер», усыпанный грозными костяными шипами стегозавр удивленно разглядывал огромную бутылку рома «Гавана клуб», а хищный тираннозавр, поднявшись на задние лапы, в передних сжимал запотевшую бутылку водки «Русский стандарт».

Бармен Юрик, в честь которого заведение получило свое имя, по десятому разу перетирал бокалы, внимательным взглядом окидывая подконтрольную территорию.

В подвальчике было малоллюдно. Только двое бедных студентов из соседнего института в ожидании стипендии скучали над кружками пива, да за угловым столиком в одиночестве сидел тощий тип с маленькими полусонными глазками и сальными залезанными волосами неопределенного цвета.

Именно к этому типу уверенно направился Маркиз.

– Вы позволите, коллега? – вежливо осведомился он, присаживаясь на свободный стул.

– Не позволю, – процедил тощий тип, оскалившись и продемонстрировав несколько золотых зубов.

– Ну, зачем же так грубо! – Маркиз широко улыбнулся. – Может быть, это начало большой мужской дружбы? У нас с вами очень много общего, коллега!

– Чего пристал? – раздраженно проговорил тот, сунув правую руку в карман. – Свободных мест сколько угодно!

– Разговор есть, Миксер! – на этот раз Леня понизил голос.

– Ребята, у вас что, проблемы? – подал голос бармен. – Разбирайтесь с ними на улице, мне здесь головная боль не нужна! У меня люди культурно проводят досуг!

– Все в порядке, Юрик! – откликнулся Миксер. – Братан мой пришел, я его сперва не признал, долго не виделись!

И тут же добавил гораздо тише:

– Чего надо? Говори быстро, я тут человека жду!